

Глеб Соколов

Кроссворд игральных автоматов

Глеб Соколов

Кроссворд игровых автоматов

«Автор»

Соколов Г. С.

Кроссворд игровых автоматов / Г. С. Соколов — «Автор»,

© Соколов Г. С.

© Автор

Содержание

1. Милый дядя	5
2. Дэнова могила	7
3. За гранью	10
4. Взгляд анаконды	12
5. Ошеломление Люси Тупозаглотышевой	17
6. Адам зла	20
7. Сорок седьмая квартира	24
8. Дэн Скотопасских приуныл	26
9. Matthew Scotch mystery	29
10. Жертвы тишины	32
11. Кладбищенские гарантии	36
12. Мочевой пузырь нервной системы	39
13. Сделка с бесовестностью	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глеб Соколов

Кроссворд игровых автоматов

Поэма в прозах

O temporibus, o moribus!
(лат. «О, темпур (креветка японская жареная) у моря!»)

1. Милый дядя

– Дядя, милый дядя!... Ты не знал моего дядю!... Что это был за человек!

Они по-прежнему стояли в пробке. Кошелев успел сбегать за пивом. На заднем сидении таксикэба «Ситройон» разложили сырок, колбаску, хлебушек.

Дядя Матвей был глуп и потому на свое счастье не смог освоить серьезную профессию. Из него не вышло врача, инженера или даже издерганного снижением товарооборота продавца бытовой электроники. Долгое время он прозябал, не в силах обнаружить своего места сначала в советской, а потом и в рыночной экономике. Смирившись с участью презренного идиота он пошел в ту сторону, откуда в те годы с негодованием отворачивались тщеславные юноши, лелеявшие в себе предпринимательскую жилку. Он победил их. Он доказал, что это не он, а они – идиоты, и жилка здесь трепетно бьется вовсе не там, где она бьется там, на Западе.

Жилка эта – хитрая бестия, угадать ее петляния трудно. Каждому тщеславному юноше я бы посоветовал не читать учебников, а изучать опыт какого-нибудь своего дяди Матвея. Такие, как он, всегда стоят к жилке ближе, чем высоколобые книжники. Пока те морочат друг-другу голову про то, как должно быть, золотая жилка бьется в пухлой изящной ручке дяди Матвея.

– Ты не поверишь, но Скотопасские – старинная дворянская фамилия. Мы не пасли скот. Мы владели скотами. Отсюда и фамилия – сын тех, кто пасет скотов – скотопасов – скотопасских сын – Скотопасских. Не мог же дядя с такой фамилией руководить налоговой инспекцией!... Это не политкорректно. Он решил взять себе другую. Но не отказываться от нашего поистине дворянского фамильного прозвания, а слегка преобразовать его. Сначала дядя убрал Пасских. Получилось Матвей Скот. Дискредитирует. Дядя облагородил: Матвей Скотч. Вот это уже совсем другое дело!...

– Скотч... Скотч... Подожди... Это откуда?...

Угрюмый водитель двинул модный «Ситройон» с места. Двигатель работал беззвучно: казалось, что «шеф», вцепившись в руль, просто перебирает в дырке под сиденьем ногами, медленно движа таксикэб вперед.

– Шотландец! Шотландский виски. Идея пришла дяде в баре, где он этот самый скотч и пил. Матвей Скотч! Звучит. Я тоже со временем возьму себе эту фамилию. Дэн Скотч!... Абсолютный лидер на рынке!... Скоро мы вернем себе родовое поместье – Кремль. А ты станешь моим первым крепостным мужиком. Будешь отдавать мне десятину, – Дэн воодушевился. Импортное пиво было отменно. – Заведешь кур на балконе и станешь отдавать мне каждое десятое яйцо, которое они снесут.

– Сначала пусть твой дядя Матвей выйдет из тюрьмы!

– Это не проблема. С его связями он там не задержится... Можешь быть уверен, ему привезут выходной костюм прямо в камеру. И он отправится на вечеринку у мэра... Чистый и самодовольный он будет реготать над анекдотом, рассказанным начальником тюрьмы. Этот будет там же и будет одет в такой же полосатый костюмчик, как и дядя. Ворон ворону глаз не

выключает! Они там все в полосатых костюмчиках, точно беглые каторжники. Только полоска – уже!

Именно в эту секунду мобильный телефон Дэна Скотопасских заиграл бравурную трель, радостно оповещая окружающую публику, что в его электронное чрево из воздуха гадюкой вползло сообщение. Беда была в том, что после аварии с первым изящным «рено» Дэнова мобила оказалась в окружении посторонних людей. Проще говоря, телефон у Дэна забрали крупные мартышки.

«Найми адвоката. Меня все кинули» – писал безутешный дядя.

Но Дэн не читал его писем, кроме самого первого.

* * *

– Мне нужно одиннадцать тысяч!...

– Никто не даст тебе этих денег, – Виталий был крепко уверен в том, что говорил. – Да и зачем они тебе?... Скоро ты станешь миллионером.

– А как мы доедем до Пушкино? На электричке?...

– А что такого?! Наберем пива и поедем...

– Нет уж, извини. Такие мучения – не для меня. Пиво – это прекрасно. Но тащиться в Подмоскowie на электричке... С чего ты взял, что улица Ленина – рядом с вокзалом? Придется переть черти куда пешком или на автобусе. Без тачки я не могу. Первым делом – взять тачку. Это начало начал. Так велел Великий Леннон!... Все остальное – во вторую очередь.

Они добрались до места. В четырех метрах от края тротуара возвышалось офисное здание – розового цвета дом, перестроенный то ли из фабрики, то ли тюрьмы. Маленькие, глубоко запавшие окошки походили на бойницы. За входной дверью открывался мир, – он был несхож с нелепым и странным фасадом. Здесь – белые, с интеллигентной матовостью стены, темно-коричневые лестничные перила полированного дерева. Маленький финский лифт хвалился электроникой и зеркалами. На его табло медленно сменяли друг-друга красные циферки.

Виталий икнул, – ему нравилось в офисе Дэна, – в выборе друга он не ошибся!... Что очевидно, то очевидно. Йог ты, как сказал товарищ Мэнсон!

За двенадцать часов до этого...

2. Дэнова могила

В дверь кладбищенского домика три раза ухнули кулаком.

Два сотрудника сферы обслуживания, гадали: кого черт принес в позднень. Регулярная клиентура придерживалась строгого покойнического расписания.

Давил страх: в жизни прорезалось много нового. Груженные щебенкой «вольво» летали аки птицы, нежные барышни матерились, из земли фаллическими символами перли в небо лужковские высотки. Бывалому, ко всему привычному человеку с могильным заступом становилось не по себе.

Новая Москва резалась не невинными молочными зубами, – острой акульей челюстью. Население вымирало. Покойник прибывал косяком. Доходы сервисников росли, но невидимая дрожжа баламутила цены. Ей-ей, стремно!

За пятой бутылкой большую часть бригады одолел страх. Мужики шатались и хватали друг друга за рукава. Покидали кладбище. Из-за кирпичного забора к хмурому ночному небу вздымались клубы выхлопов. Там бойцы за личное счастье гуртом возвращались к гаражам. Они были всех видов и мастей, но спешили однообразно.

Светило зловещее полнолуние. Среди звезд, харкая на правила и светофоры, кандыбили жидкие облака. Они заражены неизлечимым туберкулезом. Им не хотелось плыть, – взвыть и усесться на землю непроглядным туманом. Но облака не пьют, не ширяются. В бессильной злобе они облеивают низ подлым холодным дождем.

Стоял декабрь, в котором начиналась история. Вполне современная, чтобы назвать ее историей нового времени.

Русская зима превратилась в старуху – она сопливалась, кисла, пускала ветры, слезы дождя. Как пенсионерка, отчалив с митинга КПРФ, вспоминала прошлое. Но тем, кто был жив и смел, хотелось поймать что-то и в будущем... Это была задача, достойная титана. И этот титан явился.

– Ну и рожа!... Если бы у меня была такая рожа, ни за что б не ходил фотографироваться!... – сказал Терентьич напарнику, Виталию Кошелеву, отходя от окна.

В маленьком домике, расположенном на Введенском кладбище, был еще третий могильщик. Но он спал на лавке мертвецки пьяный.

– Не открывай, – Виталий подцепил со сковороды вилкой, на которой не хватало двух зубьев, жареный пельмень и отправил в рот. Пельмень неслышно взвизгнул.

– Само собой... Что я дурак открывать такой роже.

Терентьич подсел к столу. Его собственная рожа была ужасна.

– Послушай, от коньяка может пучить живот?...

– Если только коньяк гороховый...

– Гороховый? Это как?

– Настоян на стрючках молодого гороха.

– Ни о каком горохе тут нет и помина! – с раздражением произнес Терентьич, поднимая бутылку коньяку в воздух и разглядывая этикетку. – А брюхо у меня теперь раздувает, как будто мне компрессор в задницу вставили.

– В задницу или из задницы?... От горохового коньяка ты сам бы был компрессором. Следовательно, у тебя било бы из задницы, а не в задницу... – философски проговорил Кошелев.

В этот момент в дверь треснули, точно кувалдой.

– Что такое?! – Терентьич подошел к двери и уставился в глазок. – Чего вам надо?!

– Похоронить...

– Кого похоронить?!... Ночь на дворе... Идите на химию!
Очередной удар сотряс кирпичную избушку.
Могильщик приоткрыл дверь.

Мертвяка не оставила жажда жизни. Он вылез в гробу, пытаясь вылезти. «Суки!», выкрикнутое на том свете, отражалось от стенок гроба. На этом свете оно раздавалось какими-то «щуками».

– Он же орет... – после молчания, продолжавшегося не менее пяти минут, выдал могильщик. Как будто для того, чтобы ситуация стала нормальной, обитателю гроба достаточно замолчать...

– погоди, я друга позову... – кладбищенский скрылся в домике. Кругом торчали кресты.

Вышел второй, – здоровенный парень в темно-синей, как таджикская ночь, куртке-аляске с откиннутым капюшоном, джинсах, заляпанных кладбищенской глиной. Первый запропастился.

– Клиент всегда в кайф! – проговорил новый могильщик и уставился на них.

Больше он не произносил ни слова.

– Это бараны какие-то... – проговорил главный клиент своим товарищам. – Настолько тупы, что даже испугаться не могут. Ты испугаться можешь?...

– Могу, если трезвый... – ответил могильщик.

– Испугайся, бери лопату, найди место и копай! – велел клиент. – Я тебе бабок дам. Много бабок. Ужрешься – потом неделю дрожжи разбавлять станешь. У тебя пробка в затылке есть?

– Зачем мне?... – вяло спросил могильщик, а сам профессиональным спиртовым глазом окинул заколоченный гроб.

– Отвинтишь, мозги водой разбавишь – сразу окосеешь!

Приезжие посмеялись.

Большая часть гвоздей были вогнаны в дерево не до конца. Сквозь щели мертвец питался воздухом.

– Это хорошо! – пьяно и сладко улыбнулся молодой могильщик. – Воды, значит, попью и окосею...

– Ну да...

– А сколько?...

– Чего сколько?... Воды сколько?! Ты сейчас договоришься!... Тебя как зовут?

– Виталиком звали, – мрачно заметил парень. Он был полным дегенератом и подонком.

На общем фоне сходил за нормального.

Клиент поманил Виталию пальцем. Они отошли метров на десять от гроба.

– Покойный был очень нехорошим человеком. Понимаешь?...

– Само собой... Хорошие давно померли.

– Накажем его. Что б помнил... Сейчас ты выкопаешь ему яму. Можно неглубокую. Метр – достаточно. Опустим туда гроб. Начнешь засыпать...

– Он задохнется.

– Ничего... Отдышится. Немного засыплешь, а потом вытащишь...

– Штука баксов!

– Пятьсот... И тебе за это ничего не будет.

– Ну если только так... – согласился Виталик и оба, остановившись на этих условиях, пошли к новопреставленному мерзавцу.

* * *

Черный продолговатый ящик стоял на земле и смотрелся для виталиного зрения непривычно. Хоть бы тележку, хоть бы что... Он убрал пять сотенных купюр в карман. Была могила, которую готовили для бригадира. Виталик решил ею воспользоваться. Яма вырыта не до конца, но так даже лучше.

Мертвец больше не издавал ни звука.

Парень сходил в сторожку, приволок ремни, лопату. Приехавшие люди – их было пятеро, подняли гроб и, кряхтя и спотыкаясь, двинулись за могильщиком. Бригадир должен был упокоиться на хорошем месте недалеко от входа, – идти пришлось недолго.

Над ямой был сооружен полиэтиленовый шатер выше человеческого роста, – чтобы не заливала вода. Лампочка-временка, тянувшаяся на длинном проводе, спускавшемся со столба, давала достаточно света. Совместными усилиями спустили гроб в могилу. Виталик принялся засыпать ее. Работал нехотя. История не нравилась. Когда деревянную крышку прикрыл тонкий слой комковатой земли, ночные гости неожиданно развернулись и пошли прочь...

– Эй, вы что?!... Куда?... Что я с ним делать буду?... – могильщик побежал за ними.

– Выкопай и поставь к батарее! – бросил главный. Спутники засмеялись.

Когда ему сунули под нос пистолет, Виталик отстал.

– Счастливо оставаться, дебил! – весело крикнул один из поздних клиентов.

Виталик торопливо вернулся к могиле и принялся откапывать гроб. Что скажет покойник?... Мысль – может стать соучастником убийства – приводила могильщика в ужас. Наконец Кошелев добрался до крышки. Вытянуть гроб в одиночку было не по силам. Он достал из кармана плоскогубцы и немного вытащил гвозди наружу. От его усилий крышка приподнялась. Теперь она держалась за ящик лишь кончиками гвоздей. Покойник не издавал ни звука.

«А ведь он и вправду мог умереть!» – пронеслось в голове. Он окончательно протрезвел и набрав полные легкие воздуха и упираясь в неровные стены ямы сапогами, потянул крышку за край.

3. За гранью

В гробу лежал юноша необыкновенной красоты. Бледное его лицо с тонкими чертами обрамляли длинные светлые локоны. Две восковые руки были сложены на груди. Легкая синева оттеняла закрытые глаза с широкими бледными веками, губы сжаты. Челюсть подвязана бинтом. Бинт, впрочем, сполз и торчал где-то за ушами.

– Что же это? – пробормотал могильщик. – Он же был живой... А он – мертвый... Что же с ним теперь делать?!

Виталик был бы рад, если бы мертвец вскочил и набросился на него с кулаками, но тот был недвижим. Он вытащил крышку наверх и отбросил ее в сторону. Кладбище располагалось в городской черте, неподалеку выла сирена, сигнализировали машины. Вокруг ближайшего светофора как обычно в пасмурный зимний день распространилась пробка.

Могильщик осторожно, стараясь не угодить ногой в покойника, спустился в яму и, скрючившись, приложил ладонь к его сердцу. Похороненный был тепл. Еще через несколько секунд Виталик уловил биение сердца. «Слава богу! Жив! Просто без сознания!»

Он засуетился.

– Надо же, изверги! Живого человека в могилу закопали! Кто бы мог это сделать?... Сволочи, перепились все! Охрана где-то бродит...

Могильщик приподнял «мертвеца» – голова того запрокинулась – принялся тащить, держа под мышки, наверх. Делать это нелегко, но Виталя очень старался. Вскоре похороненный оказался на земле, отваленной из ямы. Ноги свесились вниз. Подул резкий ветер и усопший, испытал его на своей коже, открыл глаза. Могильщик замер. Никаких действий не последовало. Воскресший опустил веки и безвольно свесил левую руку в яму.

Виталик приподнял его и, крикнув, взвалил на плечо. «Тяжелый, зараза! А с виду не скажешь...» – могильщик посеменил с грузом к сторожке. Предстояло еще утилизировать гроб. Разрубив на части, предполагалось сжечь его в костре.

* * *

С погодой происходит пакость. Это уже не требует доказательств науки. Дни с гнилью выдавались прежде время от времени, – теперь оккупировали всю зиму. Глобальное потепление не дало роста тропической растительности. Толстые баобабы не возросли посреди Тверского бульвара. В Александровском саду не появилось гигантских секвой и араукариев. Не приобретаю пальм и попугаев, москвичи лишились хрустящего снега, мороза, солнца...

* * *

Еще раз удостоверившись, что похороненный жив, Кошелев перетащил его в домик. В кармане нашел паспорт на имя Дениса Анатольевича Скотопасских, двадцати семи лет от роду, уроженца Ростова-Папы. «Кого только не понаехало в Москву!» – чертыхнулся Виталий. Между последней страницей и корешком вложена странная записка...

* * *

«Понедельник: десять часов утра – взять в долг до вторника одиннадцать тысяч долларов, полдень – купить изящное «рено», три часа дня – съехать с квартиры. Вторник: к пяти пополудни – взять миллион долларов, подъехать к концу рабочего дня, отдать одиннадцать тысяч,

семь часов вечера – начать обмывать полученный миллион долларов. Все быстро, четко, по современному!».

* * *

Понедельник отсчитывал последние минуты. Ровно в полночь юноша приоткрыл глаза.

Виталий взял со стола бутылку «Кенигсберга» – пять звезд, набор медалей, как у сенбернара на выставке – подался к восставшему из гроба. Тот мгновенно утерял сознание. Глаза парня раскрыты, зрачки закатились. Испугавшийся Кошелев прислонил горлышко к синим губам. Юноша вновь пришел в себя. Виталий влил в него огненную жидкость, – закашлялся, коньяк проглотил. Могильщик поддал новую порцию... Жидкость во чреве бутылки по-уни-тазному булькнула. После пятого раза Скотопасских сел.

– Сволочи! Всех ненавижу!...

– Вот потому тебя в гроб и засунули!...

– Я разбил их машину. Потом качал права... Всех ненавижу: бандитов, бюджетников...

Гость выхватил из рук могильщика коньячную бутылку. Выпил. Глаза его подернулись туманом.

– Депрессуха сушит! Ужас! – проговорил он. – Меня зовут Дэн. А почему этот спит?...

На лавке алкогольным сном дрых третий могильщик.

– Это он тебя закапывал...

– Устроим пляски на гробах. Тащи гроб!

Когда деревянный ящик был извлечен из могилы и принесен в домик, они уложили туда спящего воина, накрыли крышкой. Принялись по очереди танцевать на ней. Играло радио.

Кошелев танцевал не потому, что хотелось. Выбора не было: или подладиться под общество, или остаться за бортом. «Как же спросить про миллион?... Что это за миллион и что все это значит?... Только бы втереться ему в доверие».

Вот так же он втирался в доверие к автослесарям, портным, могильщикам. «Легкие пути – мое кредо!» – говаривал Виталий Кошелев.

В пылу танца они не заметили, что третий могильщик уже проснулся, но на всякий случай не подает признаков жизни.

Сизое алкогольное утро наступило для всех троих одновременно.

Нынешним утром...

4. Взгляд анаконды

Москва – удивительный город. Его жители любят игру. Поставщики игровых автоматов любят его жителей. Жители обожают их продукцию. Продукция обожает деньги, а деньги не любят дураков. Но дураки любят игру.

Так движется мир.

К десяти утра деньги, взятые Скотопасских в долг у Кошелева были проиграны целому ряду одноруких бандитов. Ночной гость призадумался.

«Куда же теперь идти?... Съемную квартиру я освободил. Деньги истратил, «рено» забрали. Да еще должен этому идиоту пятьсот баксов. Что же получается: атака захлебнулась?!... Но как?! Почему?!... Светило солнце, я был полон радужных надежд!...»

– Землячок, я теперь от тебя, пока ты не отдашь мне тринадцать тысяч, на шаг не отойду! Уж извини... Где мне тебя потом искать?... Я тебя не знаю... Кстати... Уже десять тридцать! Ты куда не спешишь?...

«Спешу! Конечно спешу... Разрабатываю новый план...»

И в голове Дэна Скотопасских закрутились лихорадочные идеи.

* * *

«Вторник. К двум часам дня взять в долг одиннадцать тысяч долларов. (Какая разница, сколько быть должным – одиннадцать или двадцать две?!...»)

– Ты должен мне пятьсот баксов, понял, рожа?!... Или ты ничего уже не соображаешь?!

«Ну тебе-то я отдавать не собираюсь!... Имея в пассиве двадцать две тысячи долга, купить к пяти вечера изящное «рено». К восьми загрузить в него миллион баксов. В девять вечера приступить к обмыванию первого в жизни миллиона. Нарядно! Главное – чтобы атака не захлебнулась!»

* * *

– Что ты привязался ко мне?!... Подумаешь, пятнадцать тысяч деревянных! Я ворочал более крупными суммами!... Оставь телефон, я тебе перезвоню...

– Ну ты хам! – вымолвил Кошелев.

«Того мне и надо!» – подумал он и вцепился Дэну в грудки. Рука могильщика скользнула противнику в карман, обшаривая его, якобы в поисках денег. Она наткнулась на знакомый паспорт, поздоровалась с ним, дала документу поддых, потащила его наружу.

Гигантская змея анаконда, проживающая в дебрях по берегам реки Амазонки сидит на свиной диете. Случайная встреча анаконды и дикой свиньи примечательно во всех отношениях. Как правило, свинья успевает заметить свою гибель заранее. И тут анаконда, не шевелясь, уставляет на свинью фирменный взгляд. Он пронзает глаза жирной свинки, лишая ее воли. После чего анаконда спокойно подволакивает к жертве свое омерзительное длинное тело и спокойно заглатывает парализованную свинью целиком. Явление хорошо знакомо парапсихологам и часто приводится ими как доказательство существования передачи мыслей на расстоянии.

«Сволочь! Я всегда кладу паспорт в левый карман. Значит ты обыскал меня, пока я валялся без сознания!»

«Я все знаю. Бесполезно сопротивляться. Не отстану от тебя ни на шаг!... Тринадцать тысяч, твой ресторан и дружба до последней копейки, оставшейся от миллиона!»

Скотопасских сдался. Фирменный взгляд, который Кошелев обрушил в его синие глаза, сделал дело: свинья осознала – пиршество гада неизбежно.

«Ничего, я еще поворочаюсь у тебя в брюхе! Ты еще ощутишь мучительные рези!... Ты будешь гадить мною каждые пять минут!»

Виталий демонстративно прочитал записку. В огромных ладонях могильщика она оказалась соринкой.

– Что за миллион долларов? – равнодушно спросил Кошелев.

– Это аллегория!... Я начинающий поэт. Речь идет о килограмме черкизовской ветчины ко дню рождения.

На этот раз Кошелев посмотрел в синие глаза друга с кротким смирением.

«Я у тебя ничего не отниму. Все, что мне нужно – это быть рядом. Пить за твой счет, курить твои сигареты, купаться в отблесках твоей золотой славы! Ты не смотри, что я такой большой. Я – человек маленький!»

«Ну ладно. Уговорил!... В конце-концов есть некоторые обстоятельства, которые заставляют меня не пренебрегать дружбой такого кретина, как ты...»

– Дай сюда! – Скотопасских грубо вырвал из огромных рук могильщика паспорт и записку. Дрожащими тонкими пальчиками с розовыми аккуратно подстриженными ноготками воткнул бумажку между страниц, убрал в карман.

– Скот ты! Всех ненавижу!... Когда я приду к власти, в этом городе не останется ни одного незанятого фонаря!... Дэн-вешатель – вот как меня прозовут!

– Ты чего?! Обиделся что ли? – смутился Кошелев.

– Йог ты! Иди на химию! Пиджак помял!...

– На химию... На химию... Сам ты иди на химию. Йог ты! Живешь-то ты где?...

Кошелев пригласил Дэна в свои апартаменты. Не озвучил он только того, что квартира уже пять дней как сдана скромной студентке из Ростова по имени Даша Дай за сто пятьдесят долларов в месяц. Это было в три раза дешевле рыночной цены... Сам Виталий проживал на кладбище и у соседа двумя этажами выше. Обстоятельства – позже. В данный момент не имело значения. По плану на апартаменты не оставалось времени. Следовало срочно двигать за миллионом долларов. Пардон, килограммом черкизовской.

Друзья сели в такси. Платил за все с бандитских и своих тысяч Кошелев. Он себе нравился: новая дружба, как бизнес-проект... Вложения: пройти двадцать метров до могилы, держа в руке лопату, понаблюдать, как крупные мартышки опустят в нее на ремнях деревянный гроб, бросить привычными движениями десять лопат земли на крышку, счистить землю, открыть гроб, вынуть покойника, перенести в домик... Легкое волнение, поднесение ко рту коньяка (расходы на пойло вычитаются из полученных авансом пятисот баксов), танцы, оговор старшего товарища...

Скотопасских милостиво позволял за собой ухаживать. Великие должны быть благодарны. Миссия давалась с трудом: время от времени по лицу юноши пробегали отсветы глубокой внутренней изжоги: как я всех ненавижу!...

– Вообще-то, я больше люблю сам быть за рулем, – произнес Дэн. Водитель такси был один из тех, к кому он испытывал легкую неприязнь. – Я без тачки – никуда. Была б моя воля, я б и в сортир на машине ездил!... Терпеть не могу ходить пешком.

– Действовать будем современно, четко, по быстрому!... – умудрено произнес Кошелев.

Скотопасских прищелкнул пальцами: Y-YES! Новый друг начинал ему нравится.

Через триста секунд у новой евроразвязки на третьем транспортном кольце они въехали в пробку, в которой простояли ровно сорок пять минут. Из них тридцать минут они двигались мимо домов сорок шесть и сорок восемь. Выхлопное марево стелилось над угрюмой зимней столицей, проникало во все щели, ухало в голове молотом. Вдали пенсионерки перебежали улицу, пугливо отскакивая от никуда не двигавшихся машин. Дэн ослабил ворот.

«Y-YES! Y-YES! Y-YES! Мы сделаем это!...»

* * *

Дядя Дэна Матвей Скотопасских трудился на Государство Российское. Иными словами, был чиновник.

Как выразился Коля Гоголь в своей неопубликованной повести «Драповое пальто» «Он был простой коллежский регистратор...»

Денег у этого *простого* регистратора были *просто* кучи! Однажды милый дядечка попал в пренеприятнейшую историю. Его сотоварищи вознамерились арестовать какие-то злые демоны из ФСБ. Ни в чем виноват он не был. С крупного банка вымогали взятку за прекращение одного налогового дельца, только и всего. Да этих дел закрывают по десять штук в день! А привязались именно к Матвею. Проклятые приверженцы избирательного правосудия! Просто он был лучше других, чище, изящней одевался, мозолил глаза. Вот к нему и придрались.

Матвей лишь посредничал и был в группе не один. Пока брали других коллежских регистраторов, смог побегать на свободе.

И отправить провинциальному племяннику, недавно приехавшему в Москву странный SMS с загадочного чуждого номера.

«Пушкино. Улица Ленина, 13. Съёмная квартира 47, там никого нет. Под кроватью сумка с миллионом долларов. Забери. Дядя Мэтью».

* * *

Накануне Дэн занял у своего коллеги Константина Виноградова одиннадцать тысяч долларов, пообещав отдать их до конца следующего рабочего дня. Как и было обговорено, он появился в офисе, но не для того, чтобы отдать бабки.

– Мне нужно еще одиннадцать тысяч! – с ледяным аристократическим спокойствием выговорил Дэн Скотопасских.

Константин Виноградов был нынче в чистом, по последней моде костюме – темно-синий, в полоску, слегка длинноватые брюки отутюжены и добродушными складками спадали на черные туфли. Розовая рубашка, полосатый французский галстук из бугристой ткани...

Вдумчивые глаза начальника отдела по продажам червячно-катальных устройств фирмы «Хаум Раум Баранаум» лучились спокойным вниманием. Глядя на него собеседник понимал: в жизни Константин Виноградов не делает необдуманных шагов. Рекламный слоган крупной страховой компании – «Все правильно сделал!» – незримо реял над его головой.

Работавший в той же фирме Дэн был начальником смежного отдела: катально-червячных устройств. Отдел Скотопасских насчитывал лишь одного сотрудника – его самого. Но ему уже было сообщено из отдела по персоналу: скоро предложат кандидатуры, подчиненные будут!

– Подвернулся хороший вариант. Хочу взять джип! – сообщил молодой человек и уверенно посмотрел Виноградову в глаза.

– Ты же говорил, подвеска...

Собираясь приобрести «рено», Дэн яростно охаивал все другие марки: то подвеска слаба, то дизайн угловат...

Любой нормальный человек, у которого заняли на сутки одиннадцать тысяч, на следующий день с нетерпением ждет возврата долларов. Если должник требует выдать новые одиннадцать тысяч, здравомыслящий кредитор испытывает тоску, отказывается. Начинает с тяжкими предчувствиями расспрашивать, почему нельзя отдать долг.

Костя вдруг пришел в невероятное возбуждение. Глаза его загорелись. Тело заходило ходуном, словно уже решив бежать куда-то, но еще не зная, в каком направлении. Словно не Скотопасских, а он сам покупал джип.

– Подвеска – ерунда... – привычным развязным тоном человека, хорошо разбирающегося в вопросе заговорил Дэн. Он чувствовал, что водопровод дал первую струю. – Это – особая модель «ленд ровера»...

– «Ленд ровер»? Ты берешь «ленд ровер»?... Но погоди... Как?!... Он же стоит гораздо больше!... – какое-то сомнение, казалось, пробежало по Костиному лицу.

– Это только начальный взнос. Я беру в кредит под очень маленькие проценты. Один школьный приятель. Он давно в Москве...

– Ладно, не рассказывай. Это твои дела. Ну что ж, поздравляю: растешь! Растешь! – Виноградов похлопал Дэна по плечу.

– Сейчас беру у тебя деньги, потом беру джип, потом беру в банке кредит, вечером отдаю деньги тебе... Все нужно срочно, а то машина уйдет. Уж больно хороший вариант!

– Само собой! – произнес Костя.

Объяснение отдавало чистым обманом: ну что такое «сейчас деньги, потом джип, потом кредит в банке». Дураку понятно – если можно взять кредит, зачем перезанимать до вечера?

Но Константин не почувствовал обмана, его привычные ноздри ловили иной запах – запах «узаконенного идиотизма». Он относился к этому явлению с душой, любил его и, уж само собой, не имел ничего против.

Начальника отдела червячно-катальной продукции охватило еще большее лихорадочное возбуждение.

– Дэн! Это здорово! Мудрое решение! Так и надо!... Но где же я возьму одиннадцать тысяч?... Черт...

– Ты друг мне или нет?! Сейчас из-за тебя «ленд ровер» уведут! Прямо из под носа, – справедливо вознегодовал Скотопасских.

Лицо Константина осветилось серьезным светом.

– За кого меня держишь?!... – проговорил он. В голосе играли бандитские нотки. Так актер классического репертуара десять лет не выходящий из театрального здания на улицу, станет изображать братка-уголовника. – Я не найду, если нужно, одиннадцать штук грин?... Знаешь, какой у моего отдела бизнес?! Какой оборот?!... Да мне... Да вот сейчас только... Да вот за пять минут до тебя притаранил клиент, привез наличными пятнадцать штукарей баксов! Пятнадцать косых предоплаты за товар!... А ты!...

– Зачем предоплата? – встрял в разговор Кошелев. В джинсах с вещевого рынка и заляпанном свитере он не подходил к этому офису.

– Главная контора, козлы, без предоплаты отгрузку не хотят делать!... – пояснил ему Костя. – Бизнес тормозят!... Счастье, деньги еще в бухгалтерию не сдал... Все это – мое дело: хочу сдать, хочу – у себя подержу.

Скотопасских подобрел:

– Так бы и сказал сразу... Сам понимаешь, дело крутое – «ленд ровер»!...

– Еще бы! На твоём месте не так нервничал!... «Ленд ровер» из под носа уходит!...

– Если дашь одиннадцать тысяч, не уйдет! Договоренность с автосалоном.

Виноградов достал из кармана маленький ключик. Открыл верхний ящик стола, – единственный, запиравшийся на замок. Такие, потеряв ключ, вскрывают маникюрными ножницами. Достал увесистый конверт, в нем – пачка долларов.

– Бери пятнадцать, чтобы не пересчитывать... – проговорил Виноградов.

– Думаешь, мне в автосалоне будет охота пересчитывать?... Ведь придется изъять отсюда четыре тысячи...

– Нет, я пересчитывать не буду... – неожиданно заупрямился Константин.

– И я не буду! – не уступал ему Скотопасских

– Ни за что не стану пересчитывать!...

– А уж мне-то как неохота это делать!...

– Ну ведь все же ты у меня берешь в долг, а не я у тебя... – резонно заметил Константин.

– Ладно, – пошел на уступку Скотопасских. – Пятнадцать так пятнадцать... Что мне?...

Кину им лишних четыре куска – пусть подавятся. Пусть вычистят мне перед первой поездкой весь салон зубными щетками. Чтоб ни пылинки! Поговорить насчет тебя? Может тоже возьмешь «ленд ровер»... Они любят работать с крутыми парнями.

Костя задержался:

– Буду признателен!...

Дэн покидал офис... С завистью его спину наблюдал Виноградов. В голове роились заносчивые мысли:

«Все же умею я жить!... Имею способность вовремя оказать услугу друзьям: я ему с деньгами помог, он завтра поможет с «ленд ровером»!

Константин уселся обратно за офисный стол. Денег не было теперь никаких: ни своих, ни чужих. Однако думать о «ленд ровере» было неизъяснимым блаженством.

Через пятнадцать минут, когда опьянение разговором улетучилось, дошло – срочная отгрузка товара, на которой настаивал клиент, без депозита невозможна...

«Ерунда! – подумал Костя. – Как-нибудь выкручусь! Главное, у Дэна теперь будет «ленд ровер» – покатаемся!...»

5. Ошеломление Люси Тупозаглотышевой

– Второй «рено» покупает за два дня! Офигеть можно!... – проговорил сотрудник автосалона. Это был маленький круглоголовый молодой человек в черном костюме: пиджак на четырех пуговицах, ворот запахивается чуть ли не в десяти сантиметрах под кадыком. Рубашки не видно – какая она? – во весь ворот торчит широченный розовый галстук. И огромные уши – двумя лопухами по бокам стриженной головы.

– А ты уверен, что это он? Тот, вчерашний?... – недоверчиво спросил второй – выше среднего роста, худощавый, с длинным, загибавшимся книзу носом и рачьими глазами.

– Еще бы!... Я его хорошо запомнил! И костюм на нем тот же, что и вчера. Только сумок нет... Вчера он был весь обвешан сумками...

– Распродался уже... – пробормотал длинноносый по фамилии Чинарев.

Дэн Скотопасских и Виталий Кошелев стояли в десяти метрах от стола с компьютером, за которым беседовали продавцы. Покупатели осматривали новенький изящный «рено». Кошелев пребывал в совершенном восторге. Машина нравилась. Никогда бы не мог подумать, что скоро поучаствует в покупке эдакой штуkenции.

Новенькие сиденья с обивкой из недорогой ткани – укрыты прозрачными целлофановыми мешками. Пухлый руль, приборная доска, торпеда – все источник невыветрившийся запах пластика.

– Класс!... – потрясенно выговорил Виталий.

– А я тебе говорил!... А ты не верил!... Это – то, что нам нужно!...

До продавцов автосалона, оформлявших документы, доносилось «А я тебе говорил!... А ты мне не верил!» И так минут пятнадцать. На шестнадцатой минуте лопухий понял – ничего не получается. Компьютер отказывался выдавать требуемый документ.

– Черт бы их побрал! – разразился обладатель широкого галстука, удачно скрывавшего несвежую рубашку. – Покупают тут «рено» каждый день... А что я им, железный что ли?!... Хоть бы через день ходили!...

«А я тебе говорил!... А ты не верил!» – продолжало нестись от дальней стенки автосалона. Там стоял «рено», деньги за который были уже получены.

– Нет... Все! Полная труба! – пробормотал лопухий. – Ничего не работает!... Теперь они от нас до ночи не уедут. Проклятая автоматизированная система!... Что же делать?!... Стоп... Что это такое?... погоди, что это?

Чинарев, до этого смотревший на экран невнимательно, судорожно вильнул головой.

«Вы уверены, что вы хотите отформатировать жесткий диск? Да. Нет.» – выскочило на экране.

Лопухий попытался навести курсор на эту странную, ничем не спровоцированную надпись, но это ему не удалось – при приближении стрелочки надпись сама собой отпрыгнула в угол экрана. Лопухий тупо взглянул на своего товарища.

– Что это? – вялым голосом спросил он.

– А я откуда знаю...

Лопухий опять подвел курсор. Ужасная рамка отскочила в сторону... Широкий розовый галстук, казалось, сам собой полез у лопухого из под пиджака.

Он щелкнул мышью. Просто так, ни на чем... Согласие «Да», которого он не нажимал, на мгновение выделилось и исчезло. Выскочило окошко форматирования диска.

– Что же это?!... – лопухий вытаращился на экран. – Спасите! Да помогите же кто-нибудь!...

В этом вопле звучала бездна отчаяния.

– Эй, вы долго там будете колдовать?!... – зычным голосом выдал могильщик. – Нам ехать надо...

– Вирус! Вирус! – завопил лопухий. От ужаса волосы на его ногах встали дыбом и зашевелились.

Снимая с себя ответственность, Чинарев поспешил из торгового зала. Зайдя во внутренних помещениях в комнатку бухгалтеров он проговорил сидевшей там в одиночестве худущей девице – у нее были рыжие крашенные волосы:

– Люда только что на компьютере жесткий диск отформатировал!... Там вся база данных! Все-все!...

* * *

«Смело товарищи в... О-па!
Духом укрепим в борьбе!
В царство свободы дорогу,
Эх да блин оп-па проложим себе!»

Революционная песня разносилась над прекрасной современной улицей.

Перевший ее лопухий человечек размазывал по лицу слезы. Он был уволен.

Народу на тротуаре было мало, а потому певец не чувствовал внимания публики. Вдоль бордюра стояли припаркованные машины, – их было множество. Работали рестораны – шум голосов и звон посуды доносился из дверей. Посетителям рано было расходиться. Тротуары пустовали.

Два-три особняка, из тех, что славятся офисами солидных корпораций, – ничего не производят, зато близки к правительству, – стояли с темными окнами. Трудовой день и организация денежных потоков уже закончены. Люди давно разъехались.

У входа в особняк, украшенного колоннами и статуями античных героев, лопухий остановился.

– Гнида долговязая!... – проговорил он отчетливо. В голосе звучала ненависть и песня отчаяния.

Про царство свободы он более не горланил.

Тут же из тени, создаваемой гипсовым античным героем, выступил рослый человек. Не стеснясь преградил путь лопухому. Тот отшатнулся и уставился на незнакомца.

– Это я-то?!... – угрожающе, тщательно разделяя слова, выговорил человек из тени.

Лопухому он показался очень старым – чуть ли не дедушкой, – однако одетым по молодежной моде. Это был плохо выглядевший работник пера Иван Харепробойцев.

– Нет!... – поспешил уверить лопухий человечек. – Чинарь! Паскуда!... Это он в компьютер вирус занес. А меня уволили. Постой, а может это вовсе и не Чинарь вирус внес?... Как же я сразу не догадался!... Это же афера! Ясный корень, афера! Заговор, преступление!...

Работник пера как раз в эти дни искал тему для журналистского расследования. Ему хотелось соорудить что-нибудь из ряда вон, так, чтобы прогреметь на всю страну! Но темы до сих пор не было.

– Какое еще такое преступление?...

«Только бы этот пьяница мне все откровенно выложил!» – молил Господа Иван Харепробойцев. – «Боженька, пожалуйста! Ты же видишь: нуждаюсь в твоём заступничестве! Больше всего на свете требуется хорошенькая темочка для журналистского расследования».

– В последние дни в нашем автосалоне один и тот же человек постоянно покупает одну и ту же модель «рено». Купил уже две штуки. Сегодня так торопился, что уперся вообще без документов.

– Семен Дуборыльцев... – представился Иван Харепробойцев. На всякий случай он конспирировался. Во времена оные – не лишне.

– Люся Тупозаглотышева! – протянул руку лопоухий.

– Е-мое, а я думал ты мужик!

– Нет, я девушка!... Но баб ненавижу! И потому одеваюсь во все мужское. Это новая мода среди нас, московских девушек...

Лопоухий тоже конспирировался. Делал он это изысканно. Харепробойцев поверил.

Любой нормальный человек, видя мужчину, представляющегося женщиной, думает, что это извращение. Иван подумал, что все в этом мире настолько съехало к катушек, что он, при всей журналистской проницательности, больше в состоянии отличить мужчину от женщины.

«Как же жить?! – ужасался Иван. – Как же заниматься сексом если женщины и мужчины неразличимы?! Один выход – не заниматься им вовсе!...»

Тоска охватила Харепробойцева. Чудовищные уши Люси Тупозаглотышевой торчали перед его лицом. «Если молодые женщины дошли до такого, то что же случится с мужчинами?» – с ужасом думал журналист. В голове его рождался план эпической статьи. Тема расследования была на время забыта. В будущей статье Харепробойцев обличал современность, предлагал насильно переодеть Люсю в женское платье и ратовал за простую жизнь.

* * *

– Скотопропойцев! Скотопродавцев! Скотобивцев!... Скотосвинкин! – неистовствовал Люда.

Пока Иван клокотал журналистскими страстями Тупозаглотышев яростно мусолил прошедший день. Он отошел от Чинарева и сосредоточился на молодом покупателе. Его фамилию он склонял на все лады.

– Скотокабанчиков! Скотособакин! Скотоблютков! Ското...

– Скотособакин... – с неожиданной задумчивостью произнес Харепробойцев. – Значит, его фамилия Скотособакин... А где он работает?

– Если бы знать... – вслед за новым знакомым Люда посерьезнел. – Скотособакин!... Все из-за него...

Иван вздрогнул. Его дерганые мысли вновь повернулись.

– Молодец! Ты догадалась!... – голос его был зловец. Он не смотрел на Люду. – Все из за таких, как он!... Каждый день «рено» покупают!... Скотособакин... – журналист заговорил с ненавистью. – И такие, как ты, Люся, появились из-за них, Скотособакиных... Из-за них теперь мужчины и женщины неразличимы. А ты вынуждена ходить в мужском костюме и ненавидеть нас, мужчин...

– Да, это правильно... – подтвердил лопоухий Люда. – Скотособакин ко всему руку приложил.

– И уши тебе это они оттопырили!... – Харепробойцев бросил на Тупозаглотышева короткий взгляд.

– Не исключено... Сегодня я могу в это поверить. Два «рено» за два дня. И одновременно – жуткий вирус в компьютере и мое увольнение. Все это – звенья одной цепи.

– А имя ей – Скотособакин! – с ненавистью проговорил журналист.

– Да!... – с той же ненавистью, встrepенувшись, подтвердил Тупозаглотышев. – Все нити сходятся к одной Скотособаке!

6. Адам зла

Когда-то один человек по имени Адам дал жизнь всему человечеству. Это доказывает, что единица вовсе не ничтожна.

Мог ли один единственный Дэн Скотопасских дать жизнь всему современному Злу с большой буквы, Его Величеству Злу?...

Этого нельзя отрицать... Одиночка вовсе не так безобиден, как кажется. Любимому человечеству я бы посоветовал повнимательнее присматриваться к одиночкам. Их слабые ручонки поворачивают стрелки, проклиная которые летят под откос целые составы, ведомые могучими локомотивами. В столкновении глупого локомотива и хитрого одиночки выигрывает всегда последний. Жаль, что он не всегда прав.

– Скотский город! – приговаривал Дэн. – Я заставлю его подавиться собственными выхлопными газами. Я затолкаю ему в задницу шпиль от его несравненных высоток!... Проклятое место!... И ведь никуда же от тебя не денешься. К тебе ведут все дороги. Тоже мне, третий Рим!... На месте первого Рима я бы обиделся и подал в суд!... Ничего, я заставлю тебя пожалеть о таком навязчивом гостеприимстве!... Моя ненависть поглотит тебя точно навозная жижа. В один прекрасный день ты станешь неотличим от выгребной ямы. Будешь знать, как требовать к себе повышенного внимания!

Машина без номеров катила по московским улицам. Их давно бы задержало дэпэс – у Дэна не было ничего, кроме паспорта. Но в этот день, привлеченная сырой зимней мглой и слабыми, ненадежными светофорами в Москву прибыла Ее Величество Пробка. Она расселась в центре, раскидав руки и ноги по всему городу. Там, до куда она дотянулась – а ей хватило роста до самых дальних окраин, человека с жезлом встретить было нельзя.

Давно подмечено: дорожная милиция, как и все автомобилисты, ненавидит пробки и скрывается от них, как от огня.

В этот день Скотопасских и Кошелев могли передвигаться по городу без прав, номеров и документов на «рено». Но скорость при этом не превышала заветной цифры три. Иногда она возрастала до пяти километров в час. Тогда изящное «рено» умудрялось перегонять пешеходов: старух, инвалидов и сидевших на лавках влюбленных. Бойкие студенты, торопившиеся в библиотеки, развивали шесть – шесть с половиной км/ч и оставались для Скотопасских недостижимыми соперниками. Мотор «рено», эквивалентный сотне породистых лошадок, оказывался бессилен перед парой спортивных тапочек, неутомимо шагающих по свободному тротуару.

Кошелев забавлялся с радио.

– Козлы! Как я всех ненавижу!... – повторял то и дело Дэн, косвенно подтверждая правоту Харепробойцева, которого он не знал и Тупозаглотышева, которого видел мельком.

Стемнело. Пока они не добрались даже до кольцевой дороги. Изящное «рено» лишь приближалось к окраинам, но машин там было ничуть не меньше, чем в центре. Смердное облако, испускаемое Ее Величеством Пробкой, висело над городом.

– Говорил тебе, надо было на электричке! Зря только одиннадцать тысяч потратили! Зря ты в автосалоне распахивался – могли бы и подождать: все равно спешить некуда... До ночи из Москвы точно не выедем.

– Пустяк. Это лучше, чем толкаться в вагоне. Электрички сейчас переполнены... Пассажиры убивают еще на подходе к вокзалу. Тех, кому чудом удалось пробраться на платформу и проникнуть в вагон, вышвыривают из него на первом же перегоне. Остальных укладывают штабелями и везут на конечную станцию, откуда в течение недели тела забирают родственники... – Дэн бредил. Утомительные манипуляции с рычагом и педалями разьедали его психику.

Кошелев захрапел. Крупное тело могильщика склонилось вправо. Слюни, накопившиеся у него во рту, грозили пролиться через приоткрытую щелочку на плечо друга. Дэн толкнул его.

Выпрямившись, Виталий продолжал спать.

Наконец они перебрались через кольцевую дорогу. В какой-то момент уличная толпа автомобилей разом двинулась вперед и минут через пятнадцать от пробки не осталось и следа. Но ночь уже настала... Кошелев по-прежнему дрых.

По радио стали передавать танцевальную музыку без слов. Уставший и окончательно осатаневший Скотопасских гнал машину все дальше от города. Куда ехать он не знал. В какой-то момент закралось сомнение: по той ли трассе двинулись?!... Уже хотел разбудить храпевшего Кошелева, но тут взгляд выхватил указатель с расстояниями. Пушкино – среди перечисленных пунктов.

Танцевальная музыка становилась все монотонней и унылей. Дэну хотелось ее выключить, но он опасался заснуть. Раз проскочили мимо стоявшего на обочине человека с жезлом. Но «рено» без номеров мчалось с такой скоростью – тот не успел ничего сообразить.

«Гоняют!...» – подумал он, плюнул на асфальт и пошел досиживать дежурство в свой стеклянный домик...

Вот и улица Ленина. Скотопасских немного ослабил давление на газ. Но напряжение в его голове не ослабевало. Напротив – увеличилось.

* * *

В главной конторе «Хаум Раум Баранаум» вечером царствовало оживленное беспокойство. Сотрудники – возбуждены. Все обсуждали неприятность, приключившуюся в московском офисе компании.

За час до окончания рабочего дня клиент Константина Виноградова – фирма «Прыг Ко Ко» – принялся нервничать. Требовалось купить у «Хаум Раум Баранаум» запасные детали для крупного клиента. Пятнадцатитысячная предоплата внесена. Но от Кости приходило ноль сообщений о произведенной отгрузке.

Менеджер «Прыг Ко Ко», – его звали Андреем, – понукаемый хозяином Прыгуновым Константином Константиновичем набрал Виноградова, все еще пребывавшего в счастливых мыслях об удачной операции с «ленд ровером». Звонок из «Прыг Ко Ко» вызвал раздражение.

– Отгрузка уже произведена?

Костя молчал, надеясь, что упорство собеседника иссякнет и он прекратит домогаться.

– Константин, вы отгрузили товар?

Виноградов по-прежнему ничего не говорил.

Потом ему пришлось ответить «не знаю». Сделано это было только потому, что прыгковкий Андрей оказался слишком настойчивым.

– Как «не знаю»?! Они что там, офигели?! – этот вопль пятью минутами позже раздался в кабинете Прыгунова. – Долби, пока не ответят!

– Мы ничего не понимаем!... – промямлил Андрей в трубку. – Мы же разместили депозит, а отгрузки как не было, так и нет... Ничего не понимаем...

Виноград запаниковал. Настойчивость прыгковцев не предвещала хорошего. В отчаянии Костя прицепился к фразе:

– Я же не виноват, что вы ничего не понимаете!...

Еще некоторое время он героически морочил собеседнику голову. При этом были произнесены следующие фразы: «Что тут говорить. Давайтеждемся разговора, тогда и будем говорить...», «Я вам не могу ответить, потому что для ответа еще нет ответа». Это не считая стандартных Костиных отговорок «Сейчас вообще все очень сложно...», «В завершении рабочего дня мы такими делами не занимаемся», коих было произнесено достаточно.

Неожиданно прыгковец замолчал. Он не вешал трубку, но и не произносил ни слова. Костя подул в микрофон. Сомнений быть не могло: связь – в полном порядке!

Виноград с облегчением перевел дух. «Кажись, одолел придурка!» Радуюсь победе, не произносил ни слова. Молчал прыгкоковец, молчал Виноград. Тишина становилась тревожной. Молчал Виноград, молчал прыгкоковец. «Что же это? Чего он молчит?!» – в голове Кости разрасталась паника.

Наконец, молчать стало совсем трудно.

– Андрей... – негромко произнес Виноград.

В ответ – полная тишина.

– Андрей... – чуть громче повторил Виноградов.

Опять ни слова... «Да слышит ли он меня на самом деле?!» – усомнился кредитор Скотопасских.

– Эй, вы слышите?...

Виноград уже готов был с облегчением положить трубку на рычаг, но сотрудник «Прыг Ко Ко» откликнулся:

– Слышу!... Конечно я вас хорошо слышу...

И опять – тишина.

Это становилось невыносимо. Виноградов разнервничался.

– Неужели нельзя было заказать эти детали заранее?!... – воскликнул он. – Замучили претензиями! Невозможно работать! Все в последний момент!...

На этой фразе Константин, наконец, повернул голову и заметил: позади него, за спинкой стула стоит сам Хоппер фон Поппер Первый – управляющий московским представительством фирмы «Хаум Раум Баранаум».

* * *

Взгляд Хоппера фон Поппера Первого не предвещал Винограду хорошего...

– Пройдемте кабинет... – сердито произнес начальник.

Фон Поппер не прислал секретаря, а пришел сам, – плохое знамение! Почти затмение солнца!

Константин посерел. Молчание сотрудника «Прыг Ко Ко» отошло, – то ли на второй, то ли на третий план...

Кабинет начальства... За столом – Хоппер фон Второй – заместитель Первого. Любитель кадровых вопросов.

– Меня обокрали... Обвели вокруг пальца... Выманили все деньги... – признался Константин под строгим взглядом.

– Кто обвели пальца?... – произнес Хоппер фон Второй.

– Скотопасских пальца обвели. Обвели пальца пятнадцать тысяч, – забормотал Виноградов, с перепугу подстраиваясь под обороты начальства. – Сначала обвели пальца одиннадцать тысяч, потом обвели пальца пятнадцать тысяч... Долларов!

Хоппер фон Первый сел за стол, выдвинул ящик, достал оттуда калькулятор, протянул фон Второму. Тот застучал по клавишам.

– Итого обвели пальца двадцать шесть тысяч! – подвел итог вычислениям. – Махинация особо крупный размер...

– Идиот особо крупный размер... – добавил Первый.

Оба фон Поппера уставились на Винограда.

– Их было двое... – Костя потупился. – Я давно уговаривал «Прыг Ко Ко» приобрести у нас запчастей на пятнадцать тысяч... – спокойно, ни на что не надеясь, принялся врать Константин. – Надо создать небольшой склад запчастей для гарантийного ремонта проданного. Но «Прыг Ко Ко» медлило. Я решил заказать запчасти за свой счет. Тут позвонило «Прыг Ко Ко» – посыпались китайские «баранаумы». Для ускорения поставки хотели разместить в нашем

офисе депозит в пятнадцать тысяч. Тогда Главная контора готова отгрузить детали не дожидаясь банковского перевода. На руках у меня оказалось двадцать шесть тысяч – пятнадцать прыгкоковских и одиннадцать своих. В офисе появился Скотопасских с каким-то незнакомым мне человеком. Дэн сказал: это – широко известный в подпольных кругах колдун.

– Какое имя?... – спросил Хоппер фон Поппер Первый. – У этого... Э-э... Мага...

– Маг Дух Бурий... – не задумываясь сочинил Константин.

– Буридух!... – сказал Хоппер Второй.

– Буридух, признался Скотопасских, уже передал ему часть своего мастерства. Дэн устроился на работу в представительство неслучайно...

– Случайно-не... – проговорил Хоппер фон Поппер Второй. – Надо срочно сообщить главный офис!...

Он встал со своего глубокого кресла и заходил вдоль окон. За ними – ночная чернота.

– Буридух составил за него резюме и отправил в отдел кадров. У Скотопасских были более выгодные предложения, но Буридух приказал устроиться на «Баранаум»... – Виноград сделал многозначительную паузу. – Со мной Скотопасских начал странный разговор: им с Буридухом необходима автомашина. Затем спросил, как ситуация с «Прыг Ко Ко». Я собирался отнести депозит в бухгалтерию. Они вдвоем – Скотопасских и Буридух начали произносить странные заклинания. Точно не помню текст. Примерно... «Джип – деньги – кредит – банк – беру – отдаю – сегодня – завтра – холла – молла – балла – колла – Баранаум – обкрадаум – комплито – идиото – беру – отдаю...» Я опешил... На столе была чашка остывшего чая. Я взял и сделал глоток. Возможно...

– Они всыпали что-то в чай! – воскликнул фон Первый.

– Не видел этого, – с чистым сердцем признался Виноградов. – Полагаю, все дело в заклинаниях. «Поппераум... Попераум... Фирма-фирма обкрадаум» – говорили они. И полный обкрадаум!... Пока я отвлекся на чай, Скотопасских вытащил из стола свертки с деньгами...

– Обкрадаум... – задумчиво проговорил Хоппер фон Поппер Второй.

– Уходя, Скотопасских сказал: «Хочу активизировать мировое зло! С помощью Буридуха стану его вождем. Как Адам был прародителем человечества, так я стану прародителем нового мирового зла. Передвигаться буду на «ленд ровере»!...

Подробность произвела на обоих Хопперов фон Попперов особенно тягостное впечатление. С минуту они молчали.

– «Первой жертвой нового мирового зла станет «Хаум Раум Баранаум!» – так утверждал Скотопасских, – добавил Виноградов.

– Мы свяжемся с главной конторой, а вы приготовьте все, что рассказали в письменном виде. Я отправлю в Европу... – проговорил фон Поппер Первый.

7. Сорок седьмая квартира

Они вышли из «рено». К ночи еще сильнее потеплело. Лил не прекращавшийся теплый зимний дождичек.

Дом номер тринадцать был кирпичной пятиэтажкой. В большей части квартир свет не горел. Сквозь окна подъезда виднелась неярко освещенная лестница.

Зевнув, Виталий Кошелев, еще не знавший, что отныне он Дух Бурий или Буридух, проговорил:

– Погода совсем не зимняя. Настолько не зимняя, что это наводит на подозрения.

Дэн вглядывался в номер дома, висевший над соседним, первым подъездом. Все верно: они приехали точно по адресу, указанному в дядином сообщении.

– Подозрения о чем?...

– Ты что, разве не слышал?... – продолжал тем временем беззаботно болтать Кошелев. – Американцы нарочно что-то делают с погодой. Ты спросишь, зачем... Я тебе отвечу. Это диверсия. Год от года по всей России будет становиться теплей и теплей, пока, наконец, не наступит настоящая тропическая жара. Этот дом, к примеру, будет утопать в джунглях. Красная площадь зарастет пальмами, кругом будут валяться кокосовые орехи... Ты спросишь, какая от этого польза американцам?... Они забросят к нам обезьян из своих зоопарков. Пока это невозможно. Из-за сурового российского климата обезьяныдохнут.

Они двинулись к подъезду. Джунглей по сторонам пока не было видно, но у самой двери валялись осколки нескольких пивных бутылок. Не считая окурков, шелухи от семечек... Мартышки, не боясь холодов, уже прибыли.

– Как только вырастут пальмы, тотчас появятся и обезьяны... – не прекращал своих разглагольствований Виталий. – Это так же верно, как и то, что не зная кода, мы сюда не попадем!...

На панели домофона светилась яркая красная точка. Скотопасских принялся набирать номера квартир. Но тщетно – никто ему не отвечал.

– Обезьяны по замыслу американцев, приведут жизнь России в полный беспорядок. Дни и ночи они будут скакать и гримасничать. Наш отзывчивый народ начнет им подражать, лупить среди пальм в барабаны, орать песни, веселиться... От этого рухнет промышленность...

– Нам надо попасть в подъезд!...

Вдруг оба явственно услышали голос, который проговорил:

– Попасть внутрь стоит десять рублей...

Молодые люди переглянулись...

– Просуньте червонец в щель внизу... Тогда я открою.

Теперь стало ясно, что говорящий находится по другую сторону двери. Дэн сделал Кошелеву знак и могильщик послушно достал из кармана тоненькую пачку денег, вытащил из нее самую мелкую купюру – пятидесятирублевку. Наклонившись, подsunул под дверь.

Секунд десять продолжалась пауза. Человек с другой стороны нагибался за деньгами. Дверь не открылась...

– У меня нет сдачи... – донеслось с другой стороны.

– Черт со сдачей! Открывай! – Скотопасских забарабанил кулаком.

Дверь тут же отворилась... Перед ними стоял маленького роста тщедушный мужичок в старомодной шапке-ушанке из собачьего меха, купленной еще до двадцать шестого съезда КПСС.

– Иногда по три вечера кряду стоишь – никакого дохода. А то за ночь три-четыре раза открываешь... На сегодня хватит. План выполнен! – проговорил мужичок. – Можно отдыхать. С пивом!...

Выйдя из подъезда, он пропустил в него молодых людей. Скотопасских, а за ним – Кошелев – стремительно взбежали по лестнице. Сорок седьмая квартира располагалась на четвертом этаже. На лестничную площадку выходило четыре двери. Ниоткуда не доносилось ни звука. В подъезде было на удивление тихо. Предстояло самое трудное... Ключей от замка у приятелей не было.

– Что же делать?... – упавшим голосом сказал Кошелев.

Дверь была железной, крашеной черной краской. Хотя и знали – деревянных дверей в этом мире не осталось, до последнего момента надеялись: в съемной квартире хозяева покупались на металлическую. Теперь надежды умерли...

8. Дэн Скотопасских приуныл

«Деревянную дверь можно вышибить одним ударом... Виталику это под силу. Но даже одним ударом – большой риск. Эту же дверь надо выламывать минут сорок, не меньше. И то, при наличии инструмента. Вряд ли мы сможем безнаказанно орудовать столько времени!»

На первом этаже у входной двери запищал домофон. Приятели, как по команде, спустились на несколько ступенек вниз.

Их можно было принять за парней, ожидающих, когда знакомый соберется и выйдет из квартиры.

Вверх по лестнице поднимался какой-то мужик. Лифта в пятиэтажке не было.

Не поднимая головы, усатый мужчина лет сорока не без труда преодолевал ступеньки, отчаянно цепляясь при этом за перила.

– Ну я тебе покажу, пададь!... Я тебе сейчас устрою! – бормотал он.

Дэн и Виталик его не интересовали. Приятели посторонились.

Минут через десять усач достиг пятого этажа. Некоторое время настойчиво нажимал на кнопку рядом с дверью, – до четвертого этажа доносилось негромкое, назойливое жужжание. Но ему не открыли. Тогда усач принялся мерно долбить ногой в железную дверь, выкрикивая через равные промежутки времени:

– Открой, пададь!... Открой тварюга!

В интервалах между воплями и ударами в подъезде царил гробовая тишина. Каждая атака заставляла стены невысокого дома ходить ходуном. Грохот должен быть слышен в квартирах аж соседнего подъезда. Но все выглядело, точно за дверями квартир нет людей – дом вымер. Оставайся в нем хоть один жилец – в нем бы возник интерес: что происходит?!

Дэн понял, где выход из положения...

– Какие инструменты нужны, чтобы выломать дверь?...

– Идеально – отбойный молоток... – Кошелев почесал в затылке. – Но сгодится и крупное зубило с кувалдой. А еще лом... Но как?!...

– Очень просто... Поехали!... На выезде из Москвы я видел крупный магазин. Там продают инструменты. Главное, чтоб работал!

Прыгая через ступеньки, приятели помчались вниз... Двигатель изящного «рено» завелся с пол-оборота.

Машина полетела по сонным улочкам подмосковного городка...

* * *

Им повезло: магазин работал. В нем приобрели перфоратор – нечто среднее между дрелью и отбойным молотком. Функционировал от аккумуляторов. Продавец согласился немного подзарядить их в подсобке.

Вооруженные инструментом Скотопасских с Виталиком влетели в подъезд – кодовый замок еще при уходе был предусмотрительно выведен из строя.

На лестничной клетке – тишина.

– На все про все у тебя минут тридцать-сорок! – провозгласил Дэн. Нанеся в металлический лист чудовищный удар, завопил:

– Открывай, паскуда, а то всю дверь разнесу!...

Виталик уже исполнял угрозу. Крепкое заграничное сверло толщиной в палец с грохотом вгрызлось в стену возле дверного косяка...

Скотопасских продолжал изо всех сил наносить удары:

– Дрянь! Тварь! Открывай, пока дверь не вышиб!...

За двадцать пять минут никто из соседей и не подумал взглянуть, что происходит на лестнице...

Разворочанная стена смотрелась чудовищно. Поднатужившись, могильщик оттянул коробку вместе с дверным полотном в сторону. В образовавшуюся щель мог пролезть человек...

Сумки с деньгами под кроватью не оказалось. Небольшая комната настолько убого обставлена, – глядя на эти зиявшие пустотой углы становилось очевидно – искать больше негде.

Помимо кровати мебелировку составляли старый обеденный стол, колченогая табуретка, шкаф. Дверцы полураспахнуты. Виднелось отделение для верхней одежды с единственной вешалкой, полки, на которых ничего не лежало.

Кухня, ванная – она была совмещена с туалетом – коридор, – все было голым. Даже на антресолях – ничего, кроме поваленной на бок пустой трехлитровой банки.

Дэн был потрясен...

– Нас опередили! – прошептал он.

Механически вернулся в комнату. Лишь теперь взгляд задержался на единственной вещи, подтверждавшей, что здесь в современной истории побывала человеческая душа: сборник кроссвордов – обычная тоненькая книжечка, – вы купите их на любом лотке с печатной продукцией.

Скотопасских медленно подошел к столу, уставился на книжечку. Призывное название, пестрый рисунок... Хотел отойти. Нечто зацепило взгляд на первой странице. Дэн вгляделся...

Почувствовав: приятель разглядывает кроссворды не просто так, Виталик подошел ближе, пробормотал:

– Чего уставился, йог ты?...

– Взгляни, милый друг, ты ничего не замечаешь? – Скотопасских взял книжечку в руки.

– Нет... А что?... – тупо ответил могильщик. – Кроссворды, как кроссворды...

– Посмотри, эти линии... Проведены чем-то твердым. Скажем, ногтем.

Виталик выхватил у приятеля сборник. Принялся рассматривать под лампой. Она свисала с потолка, абажур засижен мухами.

– Да, кажется, что-то есть!... – наконец произнес он. – Вот здесь, здесь... Еще здесь... Несколько борозд... Какие-то черточки... На кой черт они нам?! Твой дядя обманул нас!...

– Если уж он кого и обманул, – злобно прошипел Дэн. – То не нас, а меня!...

– Подумаешь!... Ты что, приватизировал дядю?!... Только эта дурацкая машинка обошлась в несколько сотен баксов... Я несущу расходы!

Он кивнул на иностранный перфоратор.

Вдруг Виталик точно бы опомнился:

– Послушай, но если здесь нет денег, как же ты считаешься с долгами?!... Этот малый... Там, у вас в офисе... Ведь он тоже... Он отдал тебе не свои деньги!...

– Перестань! Не каркай!... Ты сам видел черточки...

– Какие черточки?! Нам нужен миллион... Тебе нужен миллион! Не черточки!

Скотопасских грубо выхватил из рук могильщика сборник кроссвордов.

– Полагаешь, дядя случайно провел их на этом сборнике?!... – воскликнул он.

– Да что ты прицепился к этим бороздкам?!... Мало ли отчего они могли возникнуть!...

– Это верно. Но ты посмотри, какие буквы они подчеркивают!...

Сборник кроссвордов опять переключал к Виталику. Тот поднес его к лампе и принялся слегка поворачивать, ловя блики на глянцевой типографской поверхности.

– Де... – проговорил он. Затем еще через некоторое время: – Эс...

– Вот! Ты понял!...

– Ничего не понял... – честно признался Виталик. Тут же ахнул. – Денис Скотопасских!...

– Именно!... Это не просто сборник кроссвордов. Это знак! – Дэн говорил торжественно. – Не думаешь же ты: такие совпадения могут произойти случайно?!...

Кошелев принялся поворачивать сборник под лампой. Он рассматривал третью линию. Через мгновение знал, под какой буквой проведена.

– Не может быть!... – произнес Виталий. – ДСВ... Это значит: Дэн Скотопасских, Виталик... Но как?... Твой дядя – волшебник?

– Я и сам не могу этого объяснить. ДСВ... Я и ты. Ведь мы действительно появились здесь. Дядя – человек необычный. В свое время, я слышал, даже имел какие-то отношения с генералом Горгозиным. Кто-то познакомил их на некоем официальном мероприятии, куда дядя был приглашен... Понимаешь?

– Ничего не понимаю.

– Это было давно, лет восемь-десять назад... Дядя интересовался паранормальными явлениями: телепатиями, экстрасенсами, передачей мыслей на расстоянии...

– Ничего себе! С ума можно сойти с твоим дядей!...

– Это верно, дядя – человек необычный. Видимо поэтому им и заинтересовался генерал Горгозин.

– Кто это? Не знаю такого!...

– Не удивительно. Этот человек занимал большой пост в службе охраны президента, но предпочитал держаться в тени. Он занимался оккультизмом, поддерживал отношения с выдающимися экстрасенсами, заслужил репутацию весьма загадочной личности... И все же не верю, что дядя мог предугадать твое появление...

– Значит подчеркнутая буква В – это не Виталик, а что-то другое. Но что?...

– Что бы ни было, это должно вывести нас на сумку с миллионом. Активизируй мыслительный процесс! Активизируй!...

– Ве... Ве... – заметался по комнате Кошелев. – Что это может значить?! Водка... Вино... Врезать... Вломить... Выпить...

– Вода! – вскричал Скотопасских. – Миллион спрятан в воде!... Ванная!...

– Бачок в туалете! – заорал во всю глотку могильщик.

– Что вопишь?!... Не забывай: хоть квартира и имеет отношение к дяде, проникли сюда, разломав дверь... В любой момент может заявиться милиция. Тогда мы попадем туда же, где сейчас Мэтью – в тюрьму!

Приятель ринулся в санузел. С бачка в мгновение ока снята крышка: ни там, ни под ванной, ни под раковиной – нигде сумки с долларами не было.

– Черт бы его побрал, дядю! Все! Пойдем отсюда. А то действительно арестуют, – Кошелев направился к двери. – Всегда я шел по пути наименьшего сопротивления!... Одно дело поехать, забрать лимон и отправиться его праздновать, другое – ломать двери, потом еще и голову... Зачем только с тобой связался! – негодовал могильщик. – Все твои истории – вранье!...

Засунув кроссворды в карман пиджака, Дэн шагнул следом.

Прихватив перфоратор и в очередной раз сдвинув металлическую конструкцию, приятели выбрались на лестницу.

Тишина. С этажей – ни звука. Стараясь не шуметь, спустились на первый. Оказавшись на улице, прошмыгнули к «рено», стартер едва чикнул и автомобильчик, не зажигая фар, съехал со двора.

С квартирой сорок семь было покончено.

9. Matthew Scotch mystery

– Имей ввиду: заставлю отдать деньги! – угрожающе произнес могильщик.

В салоне автомобиля – темно. Дэн зажег лампочки. Изыщное «рено» медленно ползло по улице. От тротуара покрышки отделяло не более десяти сантиметров. Слева стремительно проскакивали машины.

Уличный свет падал на лицо менеджера фирмы «Хаум Раум Баранаум». За последние сутки в нем впервые не разглядеть заносчивой самоуверенности. Напротив, тень растерянности то и дело искажала черты.

– Вези меня в Москву!... Кому я продам перфоратор?!... Ты мне оплатишь расходы!... – могильщик расходился все больше.

Скотопасских приуныл сильнее.

– Дурак! – не унимался Кошелев. – Зачем я поверил тебе?!...

Дэн вперился в белевшее в неярком уличном свете лицо друга: кого тот называл дураком – его или себя?

Самолюбие Скотопасских мучительно страдало.

– Зачем я поверил такому идиоту, как ты! – развеял сомнения Дэна Кошелев. – Сидел себе на кладбище, как было хорошо: могилки, похороны, полный покой!... А теперь – бегаю по квартирам с этой машинкой и взламываю двери... Нет, как хочешь, а мне пора на кладбище!... Добрось хотя бы до Москвы.

Скотопасских испытал тоску. Вдруг понял: нуждается в могильщике. Как ловко тот выломал дверь!... Разве смог бы Дэн управиться с ней за такое короткое время!... А как безошибочно Виталик выбрал нужную модель перфоратора! Что станет делать без такого помощника?

– Вези на кладбище! Покоя хочу! – произнес Кошелев.

Дэн нажал на тормоз. «Рено» остановилось.

– Ты понимаешь, где-то в этом городе нас ожидает миллион долларов? Глупо не воспользоваться вариантом. Этот кроссворд и подчеркнутые буквы – не случайны. Ты ведь не знал моего дядю. Я помню: после бани и шашлыка самой большой любовью его жизни были именно кроссворды...

Кошелев внимательно смотрел на товарища. Некоторое впечатление слова друга произвели. Словно бы искал что-то, – подтвердить мимолетное ощущение.

– Кроссворд в квартире сорок семь не может быть случайностью. Его оставил дядя!... Косвенно это подтверждается датой на сборнике... – Дэн извлек тоненькую книжечку из кармана, сунул под нос могильщику. – Смотри, пятнадцатое число. За день до момента, как получил от Мэтью сообщение. Выходит кроссворды были оставлены именно в роковой день.

Кошелев взял книжечку в руки.

– Да... Пятнадцатое... Но где тогда миллион?...

– Есть только одно объяснение, – Скотопасских продолжал развивать мысль, которая пришла на ум недавно. – Дядя отправил сообщение, действительно планируя оставить сумку в квартире сорок семь. Но что-то изменилось. То ли решил, что это небезопасно, то ли обнаружил какую-то угрозу. Пользоваться мобильником больше не хотел...

– Почему?...

– Ты что, не знаешь – любой оператор из Билайн может прочитать это сообщение...

– И про миллион известно еще кому-то?! – с испугом произнес Кошелев.

– Не исключено.

* * *

В подъезде было по-прежнему тихо. Очень худой человек, – на его носу висела капля, – медленно крался по лестнице. Все самого начала казалось авантюрой, но удержаться не мог. Два дня он крепился, на третий понял: противостоять соблазну – выше сил.

Зобкина мучил аллергический насморк. Болезнь имела нервное происхождение. Стоило испытать глубокие, неприятные переживания, – ранимая душа откликалась соплями. Если Зобкин не расставался с носовым платком, это означало: его бросила девушка или устроился на новую работу. На этот раз из носа текло особенно сильно. Личная жизнь не при чем. Ее не было... Зобкин устроился на новое место – в компанию Билайн, но дело даже не в этом...

С детства Зобкин обожал чужие секреты. Он любил подслушивать разговоры. В Билайне получил доступ к SMS-кам. Смотреть их часто и подолгу не было шансов. Но третье же сообщение оказалось таким, что у Павла перехватило дух. Речь – о спрятанном под кроватью миллионе.

Сердцем Зобкин понял – это не розыгрыш, не условный знак, все, как написано: в обычной квартире рядового дома лежит миллион.

Что толку от знания?! Как туда попасть? Чьи это деньги?!... Кто так странно поверяет секреты ближним? Заодно и всем, кто имеет доступ к электронной информации... Раздумья истерзали Зобкина. Он стал невнимателен: к концу третьего дня успел совершить фантастическое количество мелких ляпов и крупных ошибок. Начальник мрачно произнес:

– Можешь завтра не приходиться...

– Вот как?! – Зобкина охватила радость. – А я завтра и так не могу!... Откуда узнали, что хочу не придти?...

Павел знал, куда поспешит, едва окончится рабочий день.

Разбирало любопытство: всего лишь глянуть на окна, подойти к двери... Электричка доставила в подмосковный городок по расписанию.

Он приближался к четвертому этажу. Какая тишина!... Казалось, жильцы подъезда умерли. Вид развороченной двери потряс уволенного билайновца. Все подтвердилось: сообщение – не шутка!...

Смахнув с кончика носа жидкую нервическую соплю, Павел остановился. Через тридцать секунд пристального разглядывания пришел к выводу: теперь в квартиру может проникнуть любой желающий...

Дверная коробка заскрипела о бетонный пол, выложенный кафельной плиткой. С этим звуком угрюмый рок пожаловал в жизнь Зобкина.

* * *

– Вполне возможно, послав сообщение и отправляясь в квартиру Матвей обнаружил слежку. Тогда он переменял планы, – продолжал излагать соображения Скотопасских. – Оставить миллион там, где вот-вот появятся преследователи, он не мог. С другой стороны, просто уйти из квартиры, ничего не оставив... Должен был подать мне знак.

Кошелев, еще минуту назад не желавший ничего слышать, невольно увлекся рассуждениями приятеля.

– Но ты не получал больше SMS!

– Само собой! Видимо, после того первого раза он боялся пользоваться мобильником. Дядя знал: я помню об его увлечении кроссвордами. Был уверен – я обращу внимание на сборник, догадаюсь: это послание! Первые две буквы понятны: ДС – Денис Скотопасских. Третья... Что значит Вэ?

– Вэ... – повторил Виталик. – Да, что?!
– Дорожка к миллиону долларов! – Дэн охватило возбуждение. – Вэ... Возьми... Войди.
– Послушай, Дэн, зря мы ушли из квартиры. Если Вэ – это указание, выполнять его надо только там, за железной дверью...

* * *

Оказавшись в маленьком коридоре, Павел замер... Взгляд его скользнул по полу. Тот был выложен потертым светло-коричневым линолеумом, следы на котором начинались сразу за дверью. Чьи-то ботинки были испачканы в мелкой крошке. Она сыпалась с разламываемой стены.

Зобкину показалось: людей было много. Минимум трое.

Он прислушался, хотя чутье подсказывало – квартира пуста.

Не доносилось ни звука.

Осторожно ступая, Павел заглянул на кухню, в санузел и лишь после этого добрался до комнаты.

Бросился к кровати. Сумки не было! Зобкин отодвинул продавленную и просиженную мебелишку в сторону, упал на корточках.

Поводя носом в сантиметре от пола, исследовал пыль. Следы говорили – сумка была. Но вытащили ее не сегодня, а три дня назад: слой пыли разрушен предметом с подходящими размерами.

Старая пыль – густая, клокастая, новая – лишь слегка припорошила паркет точно бы молодым снежком.

То, что произошло через мгновение, заставило следопыта вскочить с корточек. Он резко повернулся к двери.

Увы, оказавшись в квартире сорок семь, Зобкин пошел против своих предчувствий и погубил себя.

* * *

– Я думаю – нет, – ответил на реплику Кошелева Скотопасских. – Если я прав, дядя Матвей не мог оставить сумку в квартире. А давать прямые указания, куда он собирается ее отнести – опасно. Кто-нибудь мог бы воспользоваться ими. Наверняка, по дядиному следу кто-то шел... Мы забрали главное – дядино указание, кроссворд. Теперь надо разгадать букву Вэ – миллион долларов – в руках!

Виталик напрягся. Но в его голове не было мыслей. Буква Вэ там была, но вокруг нее царил совершеннейшая пустота.

Как известно, собака размышляет образами. Она не думает «Пойду погрызу кость». Она представляет эту картину словно бы на экране кинотеатра. Похожая ситуация – с могильщиком.

На экране его домашнего кинотеатра пробежали привычные образы: кладбище, могилы, подношения, стол в их домике, который во время последней пирушки так замечательно уставили бутылками. Была там и буква Вэ. Кошелев хорошо представлял ее: он видел широкую длинную палку с одной стороны и пузатые обводы с другой. Но буква была одинока. Ее не обнимал никакой смысл.

Кошелев понял: это конец.

– Виталий! – торжественно проговорил Скотопасских. – Я понял, что означает буква Вэ. Дэ Эс Вэ – «Дэн Скотопасских! Внимание!»

«Как же все просто!» – пронеслось в голове у могильщика.

10. Жертвы тишины

В квартире номер сорок семь появились два милиционера.

Они были вызваны одинокой старушкой Марией Куракиной, проживавшей на пятом этаже. На днях ей прибавили пенсию. Возрадовавшись, престарелая Мария решила побаловать себя кофеем. Но поскольку, как и положено Марии, была девой, излишнего нервного возбуждения страшилась.

Напиток решила купить не простой, а декофеинизированный.

Зайдя в ближайший магазинчик, торговавший по странно низким ценам, дева Мария поинтересовалась:

– А есть ли у вас кофе декофеинизированный?

Законченные в свое время средняя и высшая советские школы, которыми по праву гордимся поныне, позволили Марии выговорить последнее слово с первого раза – без унижительных оговорок и спотыканий.

Продавщица, нанятая в магазин с подозрительными ценами за умеренную зарплату – из другого поколения. Слово не разобрала. Следуя правилу: без особого повода с покупателями не пререкаться, ответила утвердительно:

– Есть!...

Иначе придется спрашивать раздраженным голосом «Какого – какого?», зло кривить лицо... Не хотелось: продавщица – в добродушном настроении.

Старушка обрадовалась.

Тоже имела нехитрые правила. Положив на блюде мятые бумажки, схватила взамен банку, не стала разглядывать буквы на этикетке. Для этого существуют продавцы. Ее дело – спросить...

Кофе оказался ядерной крепости. Кофеину в нем – двойная доза. Турецкая фирма, производившая порошок, решила: чтобы не выливать в канализацию кофеин, вытягиваемый из другого, ими же выпускаемого декофеинизированного сорта, надо подмешивать изъятую крепость в сорт купленный старухой.

По прайсам кофеек проходил, как «элитарно крепкий и ароматный».

Хлебнув чашечку, старуха испытала нешуточное беспокойство. Сердце застучало, как в день пенсии, – всегда шла к почте с затаенным страхом «А вдруг не дадут?!»

«Да почему же не дадут?» – спрашивала себя. И сама отвечала: «Не дадут и все! Просто так, неожиданно и без объяснений!» Последнее казалось вероятным. «У нас все могут!» – думала она. Когда давали, торопливо смахивала в сумочку, не считая, мятые ассигнации. «Господи, слава богу! Пронесло! Дали! Опять повезло!...» Скакала домой с чувством солдата, возвращающегося со смертельного задания.

Поскольку на декофеинизированный грешить не могла, объяснила сердцебиение дурными предчувствиями. «Ограбят! Узнали, что добавили пенсии и ограбят! Ну и жизнь. Одни дают, другие тут же грабят. А может – одна шайка?»

Дева Мария несколько раз подходила к двери. На лестнице кипела будничная жизнь: кто-то истошно орал «Открывай, скотина! Убью, сука!», молотил в чью-то дверь пудовыми кулачищами. Это успокаивало...

Пока чувствовала в подъезде присутствие жильцов, было не так страшно.

Потом крики смолкли. Старуха забеспокоилась.

Тишина пугала. Но вслед на лестнице начался грохот и послышались такие угрозы своротить дверь вместе со стеной, что она опять, как казалось, окончательно, успокоилась. Стены дрожали.

На радостях выпила еще чашечку «декофеинизированного». Потом еще... Когда допила третью, грохот и крики смолкли. Старуха подошла к двери: тишина представлялась чудовищной.

Никто и ничто не могло отпугнуть убийц и грабителей. Сердце рванулось из груди. Дева Мария позвонила в милицию.

Поднимавшиеся к ней патрульные с удивлением обнаружили: дверь в квартире номер сорок семь выломана. В образовавшуюся щель может протиснуться каждый желающий. Немедленно позабыли, к кому шли, и протиснулись.

Оказалось, до них тот же номер осуществил гражданин Зобкин. Ни формального, ни неформального отношения к сорок седьмой не имел.

Взломщик был задержан.

Старуха еще раз убедилась: предчувствия не обманывают. Что же до того, что вскрыта не ее дверь, рассудительно объяснила: злодей шел грабить именно ее, но ошибся этажом.

– Он молодой? – поинтересовалась у милиционеров старуха.

– Еще какой!...

– Так не удивительно!... Какая сейчас молодежь: прут не знамо куда... Глазищи вытаращат и прут! Как тут этажом не ошибиться!... – Мария с наслаждением ощущала, как действие элитарного ядерного ослабевают, умиротворенное валерианкой, кефиром и каплями для сна «Спистару», рекламируемыми в сети проводного радиовещания.

«Еще какой молодой» Зобкин, сидя, тем временем, в милицейской машине за решеточкой, закатывал глаза не понарошку... К нервной аллергии у него добавилась нервная водянка головы, нервная базедова болезнь и нервное заикание... На подходе было нервное плоскостопие и нервное искривление позвоночника.

* * *

– Внимание... На что дядя Матвей обращает мое внимание?...

– На стол... Кроссворды лежали на нем, – тупо произнес Кошелев.

– Получается, зря ушли из квартиры? Ты виноват... – в голосе Скотопасских не было злости. – Нет, нереально. Денег там не было. Стол без ящика, я запомнил. Чтобы спрятать лимон, доллары надо приклеить под крышку... Неправдоподобно. Я бы заметил – нагибался, чтобы посмотреть под кровать.

– Что означает буква Вэ? – Виталик устал и опять чувствовал: ему порядком все надоело.

– Мне кажется, дядя обращает внимание на что-то, скрытое в самом сборнике.

Дэн зажег лампочку. Она ярко освещала раковину его уха, но на страницы отбрасывала лишь слабый печальный свет.

Скотопасских перелистал книжечку. Вернулся ко второй странице, принялся внимательно разглядывать.

– Есть, вот оно! – завопил он. – Смотри – такая же вдавленная линия!... Ошибки быть не может!... Дядя провел ее ногтем...

Виталик выхватил сборник, но черточки разглядеть не мог. Чтобы рассмотреть эту мелочь, в машине не хватало хрустальной люстры с десятком лампочек.

– Ни черта не вижу...

Скотопасских отобрал кроссворды.

– Пойми, если не хочу, чтобы миллион уплыл из рук, надо действовать быстро, четко, по-современному! Иначе сейчас нельзя. Иначе – никакого миллиона. Есть ручка, карандаш?

– Откуда?! – возмутился Кошелев.

– Ну да! Твой инструмент – лопата... Вот что, нужна база...

Дэн задумался. Впервые за вечер посетила мысль: сегодня, как и вчера, заснуть придется не долларowym миллионером, а обычным менеджером фирмы «Хаум Раум Баранаум». Атака все же захлебнулась.

Сон менеджера Скотопасских не устраивал. Он знал: миллионеры спят иначе. Их сон подходил ему больше...

* * *

Люда Тупозаглотышев, который из конспирации так удачно представился лицом женского пола, обманутый им доверчивый журналист были возле автосалона. Того, где Скотопасских приобрел изящное «рено».

Нити, уцепившись за которые можно добраться до Скотособакина, сходились именно здесь. Журналист видел их рваные, раздерганные концы.

Несмотря на поздний час в стеклянном помещении сновали люди. Стоя на противоположном тротуаре, Тупозаглотышев вглядывался в бывшую работу.

По торговому залу бегали Чинарев, худущая девица, – она трясла рыжими волосами, – важный директор Федор Петрович.

«Пытаются восстановить систему...» – равнодушно подумал Тупозаглотышев. К закрытым дверям подкатили новенькие «Жигули» – пятая модель – из них как пожарники, прибывшие на возгорание, торопливо выскочили два человека. Они были молоды и самоуверенны. В руках один держал матерчатую сумку.

Незнакомцы забарабанили в дверь. Толстое стекло откликнулось на всю улицу. Звонков двое отчего-то не признавали.

Рыжая девица кинулась навстречу.

– Это уголовный розыск! – испуганно произнес Люда. К этому моменту он протрезвел. Приключившиеся события представлялись еще в более мрачном свете, чем в момент увольнения. – Сейчас меня арестуют!

Быстро пошел прочь. Журналист схватил его за рукав, затащил за «Газель», – грузовичок стоял у стены на широком тротуаре.

– Ты не хочешь увидеть, что дальше?

– Что смотреть?! Это легавые! За мной!...

Харепробойцев стал убеждать Люду: двое никак не могут быть за ним, все знают – Тупозаглотышева уволена, чего ей сидеть в офисе? Да еще ночью!...

– Им лучше попытаться схватить тебя дома! – обнадеживающе добавил Иван.

Люда чувствовал: он неадекватен, уходит в иную, параллельную реальность, уже трудно воспринимать мир. Общая картина дробится на мелкие части. Как калейдоскоп: каждый раз складывается по-разному.

– Не волнуйся! – Харепробойцев ткнул его в брюхо. – Понаблюдаем за ними! Авось все обойдется!

Стоя за грузовичком они смотрели на автосалон сквозь два стекла кабины. Происходившее в торговом зале тоже за толстым стеклом.

На события взирали через три слоя стекла.

– Охренеть можно! – пробормотал Люда. – Три слоя стекла!...

Еще утром мог ли он знать, – благополучный сотрудник автосалона! – как все получится?! Изменчива жизнь плебея! Дураки думают: если не высовываться и ни во что не лезть, проблем не будет. Проблемы будут! Они трусливы. Они боятся задираТЬ сильных и потому ищут для эскапад маленьких лопухих толстячков. Они набрасываются на них, превращают в ничто, в кучу страдающего дерьма, напуганного и истерзанного.

Двоих с сумкой уже впустили в автосалон. Не медля ни секунды ринулись к компьютеру, за которым работал Тупозаглот.

Люда негромко затянул старинную арестантскую песню.

11. Кладбищенские гарантии

– Я должен поработать над этим сборником... Это непросто: нужен свет, спокойная обстановка, – проговорил Дэн. – Иначе атака, столь победоносно начавшаяся, может захлебнуться.

Он раз за разом перелистывал кроссворды. При таком освещении, если хочешь что-то рассмотреть, надо напрягаться.

– Начну мучаться с ними в машине, глаза чего доброго устанут, – сказал Скотопасских. – На хрена мне очки?!

Он взглянул на приятеля. Огромная голова могильщика неподвижна, как верхняя часть бронзового монумента. Ни один мускул не шевелился. В мозгах Виталика в эту секунду шествовала мысль: все же сваял дурака. Кошелев наблюдал за ее плавным движением без энтузиазма. Дэн отвлекал его.

Мысль слаба. Она передвигалась медленно, как калекка, входящая на мост через ущелье. Слабый ветерок – и тот способен ее опрокинуть.

– Мне нужна база!... – выговорил Ден.

Мысль рухнула в пропасть.

– Какая?... Ремонтная, тракторная или скотоводческая? – вяло откликнулся Виталик. – У меня есть одна на примете... По разведению племенных крупношерстных крокодилов.

– Любой наступающей армии необходима база! Ты что, не понимаешь?!

– Нет. Если нужна база, здесь неподалеку, в десяти километрах, у кольцевой дороги есть складская. Автопогрузчики, коробки с товаром, охранники, которые пьют, когда на них не смотрит начальство... Тебе – туда. Ты можешь поселиться в коробке вместо телевизора. Или свить гнездышко в бочке с квашеной капустой...

Кошелев зевнул. Мысль, как Кощей бессмертный, была вновь на дорожке и медленно двигалась к мостику. Виталик терпеливо ждал.

– Мне нужна база, с которой я мог бы выезжать на мероприятия. После их проведения возвращаться обратно. Атака захлебнется! Ей не жить без базы. Войска требуют обеспеченный тыл.

Ден отчаянно хотел спать. Он привык дрыхнуть минимум с одиннадцати до девяти тридцати. Если накануне удавалось убедить Хоппера фон Поппера Первого, что в первой половине дня необходимо выехать на переговоры с заказчиком, – дрых до одиннадцати. После пробуждения за тридцать минут с грохотом собирался и отправлялся в офис. В зависимости от ситуации, выдавал за результаты встречи предыдущие достижения, либо предлагал отказаться от работы с клиентом. «С ними невозможно говорить!» – веско отмечал Дэн.

Немец, хитрый до простодушия, верил ему.

Дядино сообщение убило привычный ритм. Для его возрождения требовалось жилье, для съема требовались деньги. Чтобы добыть их – надо разгадать дядин кроссворд. Но отгадывать кроссворд в машине – подвергать риску зрение. Как прогрессивный молодой человек Скотопасских позволял себе все. Кроме одного – подвергать риску бесценное здоровье.

– Да, срочно необходимо осесть на базе! – заключил он. – И – диета, диета, еще раз диета... Конечно, нагрузка на глаза с этими кроссвордами будет ужасной. Но ничего... Наляжем на морковь. У тебя дома есть морковь?... Как ты думаешь, сколько морковок понадобится, чтобы возродить зрение. Я порушил его разгадыванием кроссворда. У тебя в апартаментах есть достаточное количество морковок?...

Смысл тирады про морковки был прост, как сам овощ. Дэн не забыл: днем могильщик пригласил его пожить в апартаменты. Как известно: хочешь заманить в дом важного гостя, приглашай не раз и не два... Раз-то был, а вот два-три – с этим Вит медлил.

– Поехали к тебе!... Момент настал. Атака захлебнулась... – иногда, в исключительных случаях, этикет позволял аристократам подсказывать крепостным крестьянам, что от них требуется. Так велось на заднем дворе французских Людовиков. Дэн уважал их.

– Подбрось-ка лучше до Москвы, – предложил Кошелев. Он ценил только легкие пути. – Синицы, гуси, утки – только в руках! О том, что в небе, будем молчать... Небо оставим пилотам дальней авиации. Пусть они гоняются за своими журавлями, пока не кончится керосин и страшный грохот не ознаменует их гибель.

– Не понял?

– Видишь ли, не собираюсь тратить силы и время на то, что не обещает гарантированного результата. Для меня восемь главных букв в жизни – это «гарантия».

Как следовало из слов, Виталик тоже был современным человеком. От окончательного «осовременивания», отделяло одно: он не признавал диет. Особенно морковных.

– Кстати, ты не дождался, пока автосалон выпишет тебе документы и съехал, – продолжал он. – А среди всего прочего, они должны были выдать гарантию. В случае поломки, можно ремонтировать «рено» без денег.

– Гарантия в чистом виде существует только на кладбище! – презрительно бросил Скотопасских. – Только там заказчик стопроцентно уверен в результате.

– Там я в последнее время и работаю. Мне нужна надежная, кладбищенская гарантия, что ты заполучишь в руки дядин миллион. Без кладбищенской гарантии не могу делать в проект никаких инвестиций. Ты и так обошелся слишком дорого. Не забывай о пятистах долларах, которые должен. Плюс расходы, понесенные потом: такси, пиво, еда, перфоратор... Не могу болтаться по городу в убыток. Предлагаю выгодную сделку. Поскольку все равно будешь миллионером, а одиннадцать тысяч в сравнении с миллионом – никакие не деньги, подари «рено». Автомобиль никак не оформлен. Что стоит вписать меня владельцем?!...

– С ума сошел?! – возмутился Дэн. – Не могу без тачки!...

Современный человек без тачки перестает быть собой. Он превращается в египетского раба, который уныло плетется по пыльной дороге строить по заданию фараона пирамиды. Другое дело – в авто. Там он сам ощущает себя фараоном.

В Древнем Египте фараоном надо было родиться. Это было непростым делом, оно удавалось лишь одному человеку в стране. За это его почитали, как бога. У нас это может сделать каждый. Достаточно, имея деньги, вырезать объявление и подъехать по указанному адресу. В стране пирамид такое не действовало.

– В таком случае, можешь сегодня в тачке и ночевать!...

– Послушай... – резкий ответ крепостного раба не вывел Скотопасских из равновесия. Он по-прежнему отлично помнил о своих целях. – Кроме кладбищенских гарантий, о которых ты упомянул, существует масса иных...

– Например? – дерзко поинтересовался Виталик. Другу он верил меньше, чем в бога, в которого не верил вообще.

– Гарантии бывают офисными, дружескими, мимолетными...

– Все – мимо кассы. Требуются кладбищенские. Я трачу на тебя время, нервы, а главное – деньги!... Ты хочешь, чтобы поселил в своих апартаментах. А знаешь, сколько гостей столицы – мужского, а большей частью женского пола – ломали свои копья, чтобы поселиться в них? ... И всем я сказал три русских буквы «ноу»!...

– Виталик, я верю: перед твоими апартаментами валяются груды изломанных копий. На каждом из них – фабричное клеймо: «Сделано в Ростове», в Воронеже, Самаре, Екатеринбурге. На худой конец, в Душанбе или Хорезмской области. Харьков и Полтаву я даже не упоминаю.

Но я выдвигаю то, что не могли предложить барышни. Мой конек – дружба будущего миллионера. Долларового, заметь!... Не каждый день будущий миллионер распахивает объятия. Цени!...

– Все это фигня! – трезво подытожил могильщик. Дорогой он хорошо выспался и теперь в голове было просторно. Чем меньше мыслей, тем проще выбрать из них верную. Кошелев сделал это:

– Реальный обладатель любой, пусть самой захудалой квартиры в Москве, бьет будущего долларового миллионера, как карточный туз кроет шестерку. Скажу тебе, обладай ты хоть миллиардом в долларах, но будущим, достаточно простой комнаты в коммуналке, чтобы тебя уничтожить. Вези в Москву!... Не забудь про долг. Если хочешь, чтобы тебя поддерживал, нужны кладбищенские гарантии. Ни офисные, ни складские, ни даже таможенные. Кладбищенские!... Только такие признаю. Как хорошее пиво должно быть импортным, так и гарантии, чтобы я их принял, должны быть кладбищенскими! Баста! Аминь! Хоп!

12. Мочевой пузырь нервной системы

Зобкина влекли в неволю. Тарахтел милицейский «уазик», окошки в отделении для опасных злодеев зарешечены.

Парень чувствовал: слабая жизнь более не в силах держаться в теле.

Зобкин не бился о прутья на окне, как птица о клетку, не взывал к милиционерам. Знал: смерть – избавленье.

В том, что она наступит с минуты на минуту, сомневаться не приходилось. Все болезни, как известно, происходят от нервов, и только венерические – от любви. Могучая нервная система Зобкина норовила подкорректировать последнее.

Когда его подсаживали в воронку, один из милиционеров заметил:

– Смотри, у него пятна на лице. На руках... Похож на попугая!

– Как бы он нас не заразил! Какой-нибудь сифилис подхватишь! – неприязненно сказал второй. – Приятель, ты часом ничем таким не страдаешь?

– Со мной на нервной почве может произойти любое заболевание!

– Ну сифилис-то на нервной почве не возникает, – резонно заметил первый милиционер.

– У меня от нервов может возникнуть что угодно! Даже сифилис!...

Менты грубо затолкали его в воронку.

Через некоторое время стал терять сознание. Милиционер заметил это, велел напарнику остановиться. Машина подрулила к тротуару. Толстый дядька забрался в отделение к задержанному. Потряс за плечо.

Павел открыл глаза:

– П-плохо!...

На голове образовались странные, необъяснимые вздутия. Малиновые пятна сливались друг с другом. Зоб вспух, спина скрючилась, ноги Зобкин поджимал под сидение – они отпадали...

– Не довезем! – заключил старший милиционер.

– Здесь рядом больница!... Пусть осмотрят. И нам спокойнее.

Захлопнув дверь, закрыли ее на замок, развернулись и покатали в противоположную сторону.

* * *

– Хорошо! – сдался перед неумолимой кладбищенской логикой Скотопасских. – Допустим, уступлю тебе «рено»...

Виталик вздрогнул. В смелых мечтах не предполагал такого успеха. За прошедшие сутки выручил сначала сто пятьдесят долларов с Даши Дай (но это за аренду квартиры, афера не могла считаться законченной), затем – вот это уже чистейшая прибыль – пятьсот баксов от орангутанга. Не прошло двадцати четырех часов – становится обладателем новенького автомобиля. Стоимость – одиннадцать тысяч долларов! Отличная коммерция!... Атака не только не захлебывалась, но и развивалась с ошеломительным успехом!... Главное – получить бумажки на авто, а там...

– Мне тоже требуются гарантии кладбищенские, а не дружеские, не офисные и даже не таможенные!... – проговорил Дэн с ненавистью.

– Любая гарантия, исходящая от меня, может считаться кладбищенской. Ведь я – могильщик! – справедливо заметил Кошелев. – До тех пор, пока ты не получишь свой миллион, можешь рассчитывать на мою всестороннюю поддержку: гостиничную, банно-прачечную, авто-

транспортную, кухонно-ресторанную... В свое время я планировал заделаться поваром. Соглашайся на условия. С этого момента в жизни не будет проблем. Будешь гоняться за своим миллионом, как сыр гонится за маслом: быстро, четко, по-современному!

Скотопасских осознал: могильщик оказался в большей степени скотиной и в меньшей – идиотом, чем предполагалось вначале. Это портило дело. План Дэна был сверстан под другую пропорцию: больше идиота и меньше скотины. Но что теперь переживать: пропорция неизменяема!

Даже если бы могильщик благодаря чуду стал умнее, он бы при этом одновременно стал еще большей скотиной – хитрой и изворотливой. А если бы он стал глупее, то при этом не заделался бы меньшей скотиной: он бы просто стал скотиной тупой, грубой, сущим животным, общение с которым для каждого нормального человека – в тягость.

* * *

– Не жилец! – проговорил дежурный врач, даже не удосужившись отойти от пациента.

– Что нам делать?

– А ничего не делать... Посидите немножко, подождите в коридоре. Думаю, времени он не займет. Парнишка, видно, интеллигентный, культурный, долго не протянет... Какая профессия?...

– Домушник! Квартирный вор... Прямо в квартире поймали...

– Ах, так это преступник?! – с истомой в голосе пробормотал врач и пошел в ординаторскую. – Не ожидал... Может быть... Может быть... Да минут десять, не больше, – бросил он, обернувшись. – Очочурится, не беспокойтесь. Я ж понимаю: трудности со сбором доказательств, суд, происки адвокатов... А так – одним головорезом меньше!

Разговор отчетливо слышен Зобкину. После последних фраз парню стало хуже. Нервная система разрасталась, как раздуваемый теплым содержимым мочевой пузырь. Она сокрушала окружавшее ее тело.

Санитары разместили Павла на каталке, повезли в реанимационное отделение. «Десять минут! Всего только десять минут! – закрыв глаза думал Зобкин. – И потом подохну!... А мог бы сто лет жить! Зачем сунул рыло в эту квартиру?! Вот идиот!»

Он припомнил, помимо воли, какой прекрасной и счастливой была жизнь час назад: битком набитая электричка, прогулка по ночному городку, боязнь ограбления...

Его выложили на койку. Оказался в палате один.

Грезилась свобода, – мочевой пузырь нервной системы начал сдуваться. Нервная водянка головы отступала, нервная базедова болезнь пятлилась. Нервное искривление позвоночника и нервное плоскостопие стихали на удивление быстро.

«Почему я никогда не ценил своей жизни?! Простой жизни! Без квартир с открытыми дверями, мильтонов и нервного сифилиса?!»

Без посторонней помощи Зобкин встал с кровати, подошел к двери, приоткрыл. В дали коридора виднелись милиционеры. Они сидели и тупо смотрели в пол.

«Ждут, когда подохну!» – осознал он.

Быстро двинулся в противоположную сторону.

Зобкин удалялся от милиционеров по коридору. С каждой секундой становилось легче. Проклятый пузырь нервной системы, погубившей его, сдувался.

Навстречу вразвалку топала врач-реаниматор, стокилограммовая бабища. Шла к нему. Ее сопровождали санитары, привезшие Зобкина в палату. Санитары прыгали вокруг нее на задних лапках, как дрессированные пудели вокруг дрессировщика.

«Сахар выпрашивают, суки!» – подумал Зобкин, но санитаров не признал: в палату его везли с закрытыми глазами.

Те не узнали пациента, хотя прошли в полуметре...

Зобкин чувствовал: дьявол водит его руками и переставляет вместо него его собственные ноги.

«Давай, родной, давай!» – подбадривал его Зобкин.

Картина переменялась через мгновение: левый пудель резким скачком развернулся на маленьких черных ножках.

– Да это же он! Умиравший!... Ну-ка ляг обратно!

Зобкин побежал.

Толстая врач-реаниматор продолжала топтать в палату. Она думала: пациента все равно уложат в кровать.

При выходе на лестницу прыткий медицинский работник настиг Зобкина и получил в челюсть. Впечатление от удара оказалось для обоих свежим: Зобкин ударил человека впервые. Санитар давно не получал по морде.

Оставив медика лежать на полу, Зобкин поскакал через три ступеньки вниз. Дьявол не покидал его... Зобкин неистовствовал, как футбольный болельщик на трибуне, после того, как любимая команда забила гол. «Давай!... Еще! Еще!...»

Дьявол старался, скалился, показывал на темной морде крепкие белые зубы. Зобкинский черт был похож на приезжего таджика.

* * *

В океанариуме автосалона, отделенного от внешнего мира лишь стеклянными стенами, кипела работа. «Следователи», – так воспринял Тупозаглотышев двоих молодых людей, – перебежали от одного компьютера к другому.

На самом же деле они были из компьютерной фирмы.

Некоторое время назад компания установила в автосалоне программу, автоматизировавшую бухгалтерский учет и выписку документации. После удачной диверсии Люды, автосалон парализовало.

Контора, просуществовавшая на рынке пятнадцать лет, все это время неуклонно наращивавшая продажи, теперь не могла сбыть даже старое дырявое колесо.

Такого не было раньше, когда счета выписывали на коленке.

«Вот вам, суки! Так!» – злорадствовал Тупозаглот, забывая, что ни умысла, ни воли его в произошедшем нет.

Чинарев, от волнения не имевший возможности проглотить слюну – рот его пересох – подскочил к автопоилке – аппарату для подачи холодной и горячей воды в кружки сотрудников. Маневр его виден через три стекла.

Чинарь выхватил из стопки кружку, сунул под сосок, но автопоилка не работала.

Компьютерный вирус вывел из строя и ее!

От досады продавец хотел плюнуть, но не смог. Поставил кружку на место.

«А этот Скотособакин не так плох! – решил Тупозаглот. – В известном смысле отомстил за меня. Теперь Чинарь сдохнет от жажды».

* * *

Зобкин выскочил из подъезда и побежал мимо автомобилей скорой помощи, мимо воронка прямехонько кусты. Заплетая между ними, как заяц.

Но его было видно – кусты голые. Павел, подгоняемый страхом, выскочил обратно на дорожку. Из всех сил помчался к домам.

Нервное плоскостопие не могло удержать его, хоть за ним никто и не гнался.

Милиционеры по-прежнему сидели в коридоре тупо уставившись в пол, врача-реаниматорша ожидала пациента у его кровати, а санитар, не шевелясь, лежал в том месте, где получил по морде. Другой санитар находился в коридоре за углом и терпеливо ждал лежавшего. Тот ждал, когда к нему, в свою очередь, подойдет тот, из-за угла.

Каждый из них был уверен в разумности своего ожидания и мог ждать таким образом вечно.

Один Зобкин в этой ситуации наращивал скорость, потому что его ногами двигал смуглый таджикский дьявол.

13. Сделка с бесовестностью

– Ты все-таки тупой, раз не понимаешь, что миллион долларов будет у меня в руках максимум завтра к вечеру. Уже послезавтра ты мне не понадобишься!... Я смогу снять любую квартиру, какую захочу!

– В чем дело?... Можешь снять ее уже сегодня и рассчитаться автомобилем. Подумай сам: я избавляю тебя от проблем...

– Каких?

– Заполучив миллион, наверняка приобретешь себе вместо «рено» «ленд ровер».

«А ведь могильщик прав!» – подумал Скотопасских. – «Что мне «рено»?!... Купил его только на один-два дня... Не таскаться на своих двоих. Не мог же я купить простые «жигули!»

– Учтем «рено», как твой взнос за аренду квартиры на длительный срок. Плюс мои харчи...

«Подавился своими харчами!... Что делать?! Ведь он не отвяжется!... Без базы мне никак! Куда я поеду?! Не ночевать же, в самом деле, в машине!»

– Зачем тебе «рено»? Ты ездить не умеешь.

– Понимаешь, без тачки я чувствую себя неполноценным. Раньше не обращал на это внимание, но теперь, пообщавшись с тобой... Ты тоже... Мог бы не торопиться, однако первым делом – в автосалон. Не запретишь брать с тебя пример. Такие как ты – образец для остальных!...

– Что верно, то верно... Ладно. Помогу тебе... Только это «рено» я не отдам. У меня правило – ничего своего ни в долг, ни в подарок! Завтра купим второе изящное «рено». Будет твоим. Частично, выручишь деньги, получив от меня оплату за квартиру. Частично – заработаешь. А пока возьмешь одиннадцать тысяч в долг у Винограда. Я помогу!...

– Договорились!... А этот Виноград... Он не откажет?

– Чего ему отказывать?... Виноград для того и существует, чтобы давать в долг! Пойми, наличные – тяжкий груз. Не каждому дано нести его. Отдав мне пятнадцать тысяч, Виноград может спать спокойно – знает, куда делись денежки. Дал их в долг. Я же приобрел лишь массу проблем. Во-первых, «рено» – ни документов, ни гарантии... В любой момент могут угнать, разбить, машина может сломаться... Обветшать, подвергнуться коррозии, выйти из моды, наконец!... Даже если бы я не купил автомобиль, я все равно вынужден пристроить эти деньги: пропить, прогулять – в этом случае я рисковал бы здоровьем. Разрушал печень, тонул в омуте случайных связей. А хитрый Виноград преспокойненько дрыхнет в своей постельке и ни о чем не волнуется. Он хитрозадый, этот Виноград. Даром, что прикидывается таким правильным! Даже если бы я не потратил деньги, я бы непрерывно подвергался риску. Меня могут ограбить, вытащить деньги из кармана. А Виноград и тут не рискует: деньги в моем кармане, а его – пуст. Ни за что не несет ответственности. Такие, как я, как ты, надрываясь тащат за него жизненный груз. Так чего ему отказывать?!... Да он рад сплавить денежки дуракам, как мы!...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.